

Карлсон,

который живёт
на крыше,

сегодня прилетел

Annotation

Странно, когда вокруг тебя происходят необъяснимые явления; когда таинственным образом исчезают из-под самого носа разные вещи, как то: съдобные плюшки и маленькие, запертые на замок мальчишки. Как это случается — не поддается разуму. Или дверь вдруг оказывается запертой снаружи, в то время как все находятся в комнате. А на стене откуда ни возьмись появляются странные надписи. А еще неожиданно раздаются какие-то душераздирающие звуки, от которых хочется плакать. Нет, дорогой читатель, это не книга ужасов и не детективная история. Это всего лишь наш старый приятель шалунишка Карлсон вернулся!

Переводчик: Лилианна Лунгина

Художник: Арсен Джаникян

- [Астрид Линдгрэн](#)
 -
 - [Карлсон, который живёт на крыше, опять прилетел](#)
 - [Дома у Карлсона](#)
 - [Карлсон шумит](#)
 - [Карлсон устраивает пир](#)
 - [Карлсон и телевизор](#)
 - [Звонок Карлсона](#)
 - [Малютка привидение из Вазастана](#)
 - [Карлсон не привидение, а просто Карлсон](#)
 - [Гордая юная девица улетает далеко-далеко!](#)
 - [Красивый, умный и в меру упитанный](#)
-

Астрид Линдгрен

**Карлсон, который живет на крыше, опять
прилетел**

Карлсон, который живёт на крыше, опять прилетел

Карлсон, который живёт на крыше, опять прилетел

Земля такая огромная, и на ней столько домов! Большие и маленькие. Красивые и уродливые. Новостройки и развалюшки. И есть ещё совсем крошечный домик Карлсона, который живёт на крыше. Карлсон уверен, что это лучший в мире домик и что живёт в нём лучший в мире Карлсон. Малыш тоже в этом уверен. Что до Малыша, то он живёт с мамой и папой, Боссе и Бетан в самом обыкновенном доме, на самой обыкновенной улице в городе Стокгольме, но на крыше этого обыкновенного дома, как раз за трубой, прячется крошечный домик с табличкой над дверью:

Наверняка найдутся люди, которым покажется странным, что кто-то живёт на крыше, но Малыш говорит:

— Ничего тут странного нет. Каждый живёт там, где хочет.

Мама и папа тоже считают, что каждый человек может жить там, где ему заблагорассудится. Но сперва они не верили, что Карлсон на самом деле существует. Боссе и Бетан тоже в это не верили. Они даже представить себе не могли, что на крыше живёт маленький толстенький человечек с пропеллером на спине и что он умеет летать.

— Не болтай, Малыш, — говорили Боссе и Бетан, — твой Карлсон —

просто выдумка.

Для верности Малыш как-то спросил у Карлсона, не выдумка ли он, на что Карлсон сердито буркнул:

— Сами они — выдумка!

Мама и папа решили, что Малышу бывает тоскливо одному, а одинокие дети часто придумывают себе разных товарищей для игр.

— Бедный Малыш, — сказала мама. — Боссе и Бетан настолько старше его! Ему не с кем играть, вот он и фантазирует.

— Да, — согласился папа. — Во всяком случае, мы должны подарить ему собаку. Он так давно о ней мечтает. Когда Малыш получит собаку, он тотчас забудет про своего Карлсона.

И Малышу подарили Бимбо. Теперь у него была собственная собака, и получил он её в день своего рождения, когда ему исполнилось восемь лет.

Именно в этот день мама, и папа, и Боссе, и Бетан увидели Карлсона. Да-да, они его увидели. Вот как это случилось.

Малыш праздновал день рождения в своей комнате. У него в гостях были Кристер и Гунилла — они учатся с ним в одном классе. И когда мама, и папа, и Боссе, и Бетан услышали звонкий смех и весёлую болтовню, доносившиеся из комнаты Малыша, мама предложила:

— Давайте пойдём и посмотрим на них, они такие милые, эти ребята.

— Пошли! — подхватил папа.

И что же увидели мама, и папа, и Боссе, и Бетан, когда они, приоткрыв дверь, заглянули к Малышу?

Кто сидел во главе праздничного стола, до ушей вымазанный взбитыми сливками, и уплетал так, что любо-дорого было глядеть? Конечно, не кто иной, как маленький толстый человечек, который тут же загорланил что было мочи:

— Привет! Меня зовут Карлсон, который живёт на крыше. Вы, кажется, до сих пор ещё не имели чести меня знать?

Мама едва не лишилась чувств. И папа тоже разнервничался.

— Только никому об этом не рассказывайте, — сказал он, — слышите, никому ни слова.

— Почему? — спросил Боссе.

И папа объяснил:

— Подумайте сами, во что превратится наша жизнь, если люди узнают про Карлсона. Его, конечно, будут показывать по телевизору и снимать для кинохроники. Поднимаясь по лестнице, мы будем спотыкаться о телевизионный кабель и о провода осветительных приборов, а каждые полчаса к нам будут являться корреспонденты, чтобы сфотографировать

Карлсона и Малыша. Бедный Малыш, он превратится в «мальчика, который нашёл Карлсона, который живёт на крыше...». Одним словом, в нашей жизни больше не будет ни одной спокойной минуты.

Мама, и Боссе, и Бетан поняли, что папа прав, и обещали никому ничего не рассказывать о Карлсоне.

А как раз на следующий день Малыш должен был уехать на всё лето к бабушке в деревню. Он был очень этому рад, но беспокоился за Карлсона. Мало ли что тот вздумает выкинуть за это время! А вдруг он исчезнет и больше никогда не прилетит!

— Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? — спросил Малыш.

— Как знать? — ответил Карлсон. — Спокойствие, только спокойствие. Я ведь тоже поеду к своей бабушке, и моя бабушка куда больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живёт твоя бабушка? — спросил Малыш.

— В доме, а где же ещё! А ты небось думаешь, что она живёт на улице и скачет по ночам?

Так Малышу ничего не удалось узнать про бабушку Карлсона. А на следующий день Малыш уехал в деревню. Бимбо он взял с собой. Целые дни он играл с деревенскими ребятами и о Карлсоне почти не вспоминал. Но когда кончились летние каникулы и Малыш вернулся в город, он спросил, едва переступив порог:

— Мама, за это время ты хоть раз видела Карлсона?

Мама покачала головой:

— Ни разу. Он не вернётся назад.

— Не говори так! Я хочу, чтобы он жил на нашей крыше. Пусть он опять прилетит!

— Но ведь у тебя теперь есть Бимбо, — сказала мама, пытаясь утешить Малыша. Она считала, что настал момент раз и навсегда покончить с Карлсоном.

Малыш погладил Бимбо.

— Да, конечно, у меня есть Бимбо. Он мировой пёс, но у него нет пропеллера, и он не умеет летать, и вообще с Карлсоном играть интересней.

Малыш помчался в свою комнату и распахнул окно.

— Эй, Карлсо-о-он! Ты там, наверху? Откликнись! — завопил он во всё горло, но ответа не последовало.

А на другое утро Малыш отправился в школу. Он теперь учился во

втором классе. После обеда он уходил в свою комнату и садился за уроки. Окно он никогда не закрывал, чтобы не пропустить жужжание моторчика Карлсона, но с улицы доносился только рокот автомобилей да иногда гул самолёта, пролетающего над крышами. А знакомого жужжания всё не было слышно.

— Всё ясно, он не вернулся, — печально твердил про себя Малыш. — Он никогда больше не прилетит.

Вечером, ложась спать, Малыш думал о Карлсоне, а иногда, накрывшись с головой одеялом, даже тихо плакал от мысли, что больше не увидит Карлсона. Шли дни, была школа, были уроки, а Карлсона всё не было и не было.

Как-то после обеда Малыш сидел у себя в комнате и возился со своей коллекцией марок. Перед ним лежал альбом и целая куча новых марок, которые он собирался разобрать. Малыш усердно взялся за дело и очень быстро наклеил все марки. Все, кроме одной, самой лучшей, которую нарочно оставил напоследок. Это была немецкая марка с изображением Красной Шапочки и Серого волка, и Малышу она очень-очень нравилась. Он положил её на стол перед собой и любовался ею.

И вдруг Малыш услышал какое-то слабое жужжание, похожее... — да, да, представьте себе — похожее на жужжание моторчика Карлсона! И в самом деле это был Карлсон. Он влетел в окно и крикнул:

— Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — завопил в ответ Малыш и вскочил с места.

Не помня себя от счастья, он глядел на Карлсона, который несколько раз облетел вокруг люстры и неуклюже приземлился. Как только Карлсон выключил моторчик — а для этого ему достаточно было нажать кнопку на животе, — так вот, как только Карлсон выключил моторчик, Малыш кинулся к нему, чтобы его обнять, но Карлсон отпихнул Малыша своей пухленькой ручкой и сказал:

— Спокойствие, только спокойствие! У тебя есть какая-нибудь еда? Может, мясные тефтельки или что-нибудь в этом роде? Сойдёт и кусок торта со взбитыми сливками.

Малыш покачал головой:

— Нет, мама сегодня не делала мясных тефтелек. А торт со сливками бывает у нас только по праздникам.

Карлсон надулся:

— Ну и семейка у вас! «Только по праздникам»... А если приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев? Думаю, твоя мама могла бы и постараться ради такого случая.

— Да, конечно, но ведь мы не знали... — оправдывался Малыш.

— «Не знали»! — ворчал Карлсон. — Вы должны были надеяться! Вы всегда должны надеяться, что я навещу вас, и потому твоей маме каждый день надо одной рукой жарить тефтели, а другой сбивать сливки.

— У нас сегодня на обед жареная колбаса, — сказал пристыженный Малыш. — Хочешь колбаски?

— Жареная колбаса, когда в гости приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев! — Карлсон ещё больше надулся. — Понятно! Попадёшь к вам в дом — научишься набивать брюхо чем попало... Валяй, тащи свою колбасу.

Малыш со всех ног помчался на кухню. Мамы дома не было — она пошла к доктору, — так что он не мог спросить у неё разрешения. Но ведь Карлсон согласился есть колбасу. А на тарелке как раз лежали пять ломтиков, оставшихся от обеда. Карлсон накинулся на них, как ястреб на цыплёнка. Он набил рот колбасой и засиял как медный грош.

— Что ж, колбаса так колбаса. А знаешь, она недурна. Конечно, с тефтелями не сравнишь, но от некоторых людей нельзя слишком многого требовать.

Малыш прекрасно понял, что «некоторые люди» — это он, и поэтому поспешил перевести разговор на другую тему.

— Ты весело провёл время у бабушки? — спросил он.

— Так весело, что и сказать не могу. Поэтому я говорить об этом не буду, — ответил Карлсон и жадно откусил ещё кусок колбасы.

— Мне тоже было весело, — сказал Малыш. И он начал рассказывать Карлсону, как он проводил время у бабушки. — Моя бабушка, она очень, очень хорошая, — сказал Малыш. — Ты себе и представить не можешь, как она мне обрадовалась. Она обнимала меня крепко-прекрепко.

— Почему? — спросил Карлсон.

— Да потому, что она меня любит. Как ты не понимаешь? — удивился Малыш.

Карлсон перестал жевать:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка любит меня меньше? Уж не думаешь ли ты, что она не кинулась на меня и не стала так крепко-крепко меня обнимать, что я весь посинел? Вот как меня любит моя бабушка. А я должен тебе сказать, что у моей бабушки ручки маленькие, но хватка железная, и если бы она меня любила ещё хоть на капельку больше, то я бы не сидел сейчас здесь — она бы просто задушила меня в своих объятиях.

— Вот это да! — изумился Малыш. — Выходит, твоя бабушка чемпионка по обниманию.

Конечно, бабушка Малыша не могла с ней сравниться, она не обнимала его так крепко, но всё-таки она тоже любила своего внука и всегда была к нему очень добра. Это Малыш решил ещё раз объяснить Карлсону.

— А ведь моя бабушка бывает и самой ворчливой в мире, — добавил Малыш, минуту подумав. — Она всегда ворчит, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

Карлсон отставил пустую тарелку:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка менее ворчливая, чем твоя? Да будет тебе известно, что, ложась спать, она заводит будильник и вскакивает в пять утра только для того, чтобы всласть наворчатся, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

— Как, ты знаешь Лассе Янсона? — с удивлением спросил Малыш.

— К счастью, нет, — ответил Карлсон.

— Но почему же ворчит твоя бабушка? — ещё больше изумился Малыш.

— Потому, что она самая ворчливая в мире, — отрезал Карлсон. — Пойми же наконец! Раз ты знаешь Лассе Янсона, как же ты можешь утверждать, что твоя бабушка самая ворчливая? Нет, куда ей до моей бабушки, которая может целый день ворчать: «Не дерись с Лассе Янсоном, не дерись с Лассе Янсоном...» — хотя я никогда не видел этого мальчика и нет никакой надежды, что когда-либо увижу.

Малыш погрузился в размышления. Как-то странно получалось... Ему казалось, что, когда бабушка на него ворчит, это очень плохо, а теперь выходит, что он должен доказывать Карлсону, что его бабушка ворчливей, чем на самом деле.

— Стоит мне только чуть-чуть промочить ноги, ну самую капельку, а она уже ворчит и пристаёт ко мне, чтобы я переодел носки, — убеждал Малыш Карлсона.

Карлсон понимающе кивнул:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не требует, чтобы я всё время переодевал носки? Знаешь ли ты, что, как только я подхожу к луже, моя бабушка бежит ко мне со всех ног через деревню и ворчит и бубнит одно и то же: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...» Что, не веришь?

Малыш поёжился:

— Нет, почему же...

Карлсон пихнул Малыша, потом усадил его на стул, а сам стал перед ним, упёршись руками в бока:

— Нет, я вижу, ты мне не веришь. Так послушай, я расскажу тебе всё по порядку. Вышел я на улицу и шлёпаю себе по лужам... Представляешь? Веселюсь вовсю. Но вдруг, откуда ни возьмись, мчится бабушка и орёт на всю деревню: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки!...»

— А ты что? — снова спросил Малыш.

— А я говорю: «Не буду переодевать, не буду!...» — потому что я самый непослушный внук в мире, — объяснил Карлсон. — Я ускакал от бабушки и залез на дерево, чтобы она оставила меня в покое.

— А она, наверно, растерялась, — сказал Малыш.

— Сразу видно, что ты не знаешь моей бабушки, — возразил Карлсон. — Ничуть она не растерялась, а полезла за мной.

— Как — на дерево? — изумился Малыш.

Карлсон кивнул.

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не умеет лазить на деревья? Так знай: когда можно поворчать, она хоть куда взберётся, не то что на дерево, но и гораздо выше. Так вот, ползёт она по ветке, на которой я сижу, ползёт и бубнит: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...»

— А ты что? — снова спросил Малыш.

— Делать было нечего, — сказал Карлсон. — Пришлось переодевать, иначе она нипочём не отвязалась бы. Высоко-высоко на дереве я кое-как примостился на тоненьком сучке и, рискуя жизнью, переодел носки.

— Ха-ха! Врёшь ты всё, — рассмеялся Малыш. — Откуда же ты взял на дереве носки, чтобы переодеть?

— А ты не дурак, — заметил Карлсон. — Значит, ты утверждаешь, что у меня не было носков?

Карлсон засучил штаны и показал свои маленькие толстенькие ножки

в полосатых носках:

— А это что такое? Может, не носки? Два, если не ошибаюсь, носочка? А почему это я не мог сидеть на сучке и переодевать их: носок с левой ноги надевать на правую, а с правой — на левую? Что, по-твоему, я не мог это сделать, чтобы угодить бабушке?

— Мог, конечно, но ведь ноги у тебя от этого не стали суше, — сказал Малыш.

— А разве я говорил, что стали? — возмутился Карлсон. — Разве я это говорил?

— Но ведь тогда... — и Малыш даже запнулся от растерянности, — ведь тогда выходит, что ты совсем зря переодевал носки.

Карлсон кивнул.

— Теперь ты понял наконец, у кого самая ворчливая в мире бабушка? Твоя бабушка просто вынуждена ворчать: разве без этого сладишь с таким противным внуком, как ты? А моя бабушка самая ворчливая в мире, потому что она всегда зря на меня ворчит, — как мне это вбить тебе в голову?

Карлсон тут же расхохотался и легонько ткнул Малыша в спину.

— Привет, Малыш! — воскликнул он. — Хватит нам спорить о наших бабушках, теперь самое время немного поразвлечься.

— Привет, Карлсон! — ответил Малыш. — Я тоже так думаю.

— Может, у тебя есть новая паровая машина? — спросил Карлсон. — Помнишь, как нам было весело, когда та, старая, взорвалась? Может, тебе подарили новую и мы снова сможем её взорвать?

Увы, Малышу не подарили новой машины, и Карлсон тут же надулся. Но вдруг взгляд его упал на пылесос, который мама забыла унести из комнаты, когда кончила убирать. Вскрикнув от радости, Карлсон кинулся к пылесосу и вцепился в него.

— Знаешь, кто лучший пылесосчик в мире? — спросил он и включил пылесос на полную мощность. — Я привык, чтобы вокруг меня всё так и сияло чистотой, — сказал Карлсон. — А ты развёл такую грязь! Без уборки не обойтись. Как вам повезло, что вы напали на лучшего в мире пылесосчика!

Малыш знал, что мама только что как следует убрала его комнату, и сказал об этом Карлсону, но тот лишь язвительно рассмеялся в ответ.

— Женщины не умеют обращаться с такой тонкой аппаратурой, это всем известно. Гляди, как надо браться за дело, — сказал Карлсон и направил шланг пылесоса на белые тюлевые занавески, которые с лёгким шелестом тут же наполовину исчезли в трубе.

— Не надо, не надо, — закричал Малыш, — занавески такие тонкие... Да ты что, не видишь, что пылесос их засосал! Прекрати!..

Карлсон пожал плечами.

— Что ж, если ты хочешь жить в таком хлеву, пожалуйста, — сказал он.

Не выключая пылесоса, Карлсон начал вытаскивать занавески, но тщетно — пылесос решительно не хотел их отдавать.

— Зря упираешься, — сказал Карлсон пылесосу. — Ты имеешь дело с Карлсоном, который живёт на крыше, — с лучшим в мире вытаскивателем занавесок!

Он потянул ещё сильнее, и ему удалось в конце концов выдернуть их из шланга. Занавески стали чёрными, да к тому же у них появилась бахрома.

— Ой, гляди, на что они похожи! — воскликнул Малыш в ужасе. — Они же совсем чёрные.

— Вот именно, и ты ещё утверждаешь, грязнуля, что их не надо пылесосить? — Карлсон покровительственно похлопал Малыша по щеке и добавил: — Но не унывай, у тебя всё впереди, ты ещё можешь исправиться и стать отличным парнем, хотя ты и ужасный неряха. Для этого я должен тебя пропылесосить... Тебя сегодня уже пылесосили?

— Нет, — признался Малыш.

Карлсон взял в руки шланг и двинулся на Малыша.

— Ах эти женщины! — воскликнул он. — Часами убирают комнату, а такого грязнулю обработать забывают! Давай начнём с ушей.

Никогда прежде Малыша не обрабатывали пылесосом, и это оказалось так щекотно, что Малыш стонал от смеха.

А Карлсон трудился усердно и методично — начал с ушей и волос Малыша, потом принялся за шею и подмышки, прошёлся по спине и животу и напоследок занялся ногами.

— Вот именно это и называется «генеральная уборка», — заявил Карлсон.

— Ой, до чего щекотно! — визжал Малыш.

— По справедливости, моя работа требует вознаграждения, — сказал Карлсон.

Малыш тоже захотел произвести «генеральную уборку» Карлсона.

— Теперь моя очередь, — заявил он. — Иди сюда, для начала я пропылесосу тебе уши.

— В этом нет нужды, — запротестовал Карлсон. — Я мыл их в прошлом году в сентябре. Здесь есть вещи, которые куда больше моих ушей нуждаются в чистке.

Он окинул взглядом комнату и обнаружил лежавшие на столе марки.

— У тебя повсюду разбросаны какие-то разноцветные бумажки, не стол, а помойка! — возмутился он.

И, прежде чем Малыш успел его остановить, он засосал пылесосом марку с Красной Шапочкой и Серым волком. Малыш был в отчаянии.

— Моя марка! — завопил он. — Ты засосал Красную Шапочку, этого я тебе никогда не прощу!

Карлсон выключил пылесос и скрестил руки на груди.

— Прости, — сказал он, — прости меня за то, что я, такой милый,

услужливый и чистоплотный человек, хочу всё сделать как лучше. Прости меня за это...

Казалось, он сейчас заплачет.

— Но я зря стараюсь, — сказал Карлсон, и голос его дрогнул. — Никогда я не слышу слов благодарности... одни только попреки...

— О Карлсон! — сказал Малыш. — Не расстраивайся, пойми, это же Красная Шапочка.

— Что ещё за Красная Шапочка, из-за которой ты поднял такой шум? — спросил Карлсон и тут же перестал плакать.

— Она была изображена на марке, — объяснил Малыш. — Понимаешь, это была моя лучшая марка.

Карлсон стоял молча — он думал. Вдруг глаза его засияли, и он хитро улыбнулся.

— Угадай, кто лучший в мире выдумщик игр! Угадай, во что мы будем играть!.. В Красную Шапочку и волка! Пылесос будет волком, а я — охотником, который придёт, распорет волку брюхо, и оттуда — ап! — выскочит Красная Шапочка.

Карлсон нетерпеливо обвёл взглядом комнату.

— У тебя есть топор? Ведь пылесос твёрдый, как бревно.

Топора у Малыша не было, и он был этому даже рад.

— Но ведь пылесос можно открыть — как будто мы распороли брюхо волку.

— Конечно, если халтурить, то можно и открыть, — пробурчал Карлсон. — Не в моих правилах так поступать, когда случается вспаривать брюхо волкам, но раз в этом жалком доме нет никаких инструментов, придётся как-то выходить из положения.

Карлсон навалился животом на пылесос и вцепился в его ручку.

— Болван! — закричал он. — Зачем ты всосал Красную Шапочку?

Малыш удивился, что Карлсон, как маленький, играет в такие детские игры, но смотреть на это было всё же забавно.

— Спокойствие, только спокойствие, милая Красная Шапочка! — кричал Карлсон. — Надень скорей свою шапочку и галоши, потому что сейчас я тебя выпущу.

Карлсон открыл пылесос и высыпал всё, что в нём было, прямо на ковёр. Получилась большая куча серо-чёрной пыли.

— О, ты должен был высыпать всё это на газету! — сказал Малыш.

— На газету?.. Разве так сказано в сказке? — возмутился Карлсон. — Разве там сказано, что охотник подстелил газету, прежде чем распороть волку брюхо и выпустить на свет божий Красную Шапочку? Нет, отвечай!

— Конечно, в сказке так не сказано, — вынужден был признать Малыш.

— Тогда молчи! — сказал Карлсон. — Выдумываешь, чего нет в сказке! Так я не играю!

Больше он уже не смог ничего добавить, потому что в открытое окно ворвался ветер, взметнул пыль, она забилась Карлсону в нос, и он чихнул. От его чиханья пыль снова взметнулась, над полом покружил маленький разноцветный квадратик и упал к ногам Малыша.

— Ой, гляди, гляди, вот она, Красная Шапочка! — закричал Малыш и кинулся, чтобы поднять запылённую марку.

Карлсон был явно доволен.

— Видал миндал! — воскликнул он хвастливо. — Стоит мне чихнуть, и вещь найдена... Не будем больше ругаться из-за бедной Красной Шапочки!

Малыш обдул пыль со своей драгоценной марки — он был совершенно счастлив.

Вдруг Карлсон ещё раз чихнул, и с пола снова поднялось целое облако пыли.

— Угадай, кто лучший в мире чихальщик? — сказал Карлсон. — Я могу чиханьем разогнать всю пыль по комнате — пусть лежит, где ей положено. Сейчас увидишь!

Но Малыш его не слушал. Он хотел только одного — как можно скорее наклеить Красную Шапочку в альбом.

А Карлсон стоял в облаке пыли и чихал. Он всё чихал и чихал до тех пор, пока не «расчихал» пыль по всей комнате.

— Вот видишь, зря ты говорил, что нужно было подстилать газету. Пыль теперь снова лежит на своём месте, как прежде. Во всём должен быть порядок — мне он, во всяком случае, необходим. Не выношу грязи и всякого свинства — я к этому не привык.

Но Малыш не мог оторваться от своей марки. Он её уже наклеил и сейчас любовался ею — до чего хороша!

— Вижу, мне снова придётся пылесосить тебе уши! — воскликнул Карлсон. — Ты ничего не слышишь!

— Что ты говоришь? — переспросил Малыш.

— Глухая тетеря! Я говорю, что несправедливо, чтобы я один работал до седьмого пота! Гляди, я скоро набью себе мозоли на ладошках! Я из кожи лезу вон, чтобы почище убрать твою комнату. Теперь ты должен полететь со мной и помочь мне убрать мою, а то будет несправедливо.

Малыш отложил альбом. Полететь с Карлсоном на крышу — об этом

можно было только мечтать! Лишь однажды довелось ему побывать у Карлсона, в его маленьком домике на крыше. Но в тот раз мама почему-то ужасно испугалась и вызвала пожарников.

Мальш погрузился в размышления. Ведь всё это было уже так давно, он теперь стал куда старше и может, конечно, преспокойно лезть на любую крышу. Но поймёт ли это мама? Вот в чём вопрос. Её нет дома, так что спросить её нельзя. Наверно, правильнее всего было бы отказаться...

— Ну, полетели? — спросил Карлсон.

Мальш ещё раз всё взвесил.

— А вдруг ты меня уронишь? — сказал он с тревогой.

Это предположение ничуть не смутило Карлсона.

— Велика беда! — воскликнул он. — Ведь на свете столько детей. Одним мальчиком больше, одним меньше — пустяки, дело житейское!

Мальш всерьёз рассердился на Карлсона.

— Я — дело житейское? Нет, если я упаду...

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал Карлсон и похлопал Мальша по плечу. — Ты не упадёшь. Я обниму тебя так крепко, как меня обнимает моя бабушка. Ты, конечно, всего-навсего маленький грязнуля, но всё же ты мне нравишься.

И он ещё раз похлопал Мальша по плечу.

— Да, странно, но всё-таки я очень к тебе привязался, глупый мальчишка. Вот подожди, мы доберёмся до моего домика на крыше, и я тебя так стисну, что ты посинеешь. Чем я, в конце концов, хуже бабушки?

Карлсон нажал кнопку на животе — моторчик затарахтел. Тогда он обхватил Мальша своими пухленькими ручками, они вылетели в окно и стали набирать высоту.

А тюлевые занавески с чёрной бахромой раскачивались так, словно махали им на прощание.

Дома у Карлсона

Дома у Карлсона

Маленькие домики на крышах всегда очень уютны, а домик Карлсона — особенно. Представьте себе зелёные ставенки и крохотное крылечко, на котором так приятно сидеть по вечерам и глядеть на звёзды, а днём пить сок и грызть пряники, конечно, если они есть. Ночью на этом крылечке можно спать, если в домике слишком жарко. А утром, когда проснёшься, любоваться, как солнце встаёт над крышами домов где-то за Остермальмом.

Да, это в самом деле очень уютный домик, и он так удачно примостился за выступом, что обнаружить его трудно. Конечно, если просто так бродишь по крышам, а не ищешь привидений за дымовыми трубами. Но ведь этим никто и не занимается.

— Здесь, наверху, всё ни на что не похоже, — сказал Малыш, когда Карлсон приземлился с ним на крылечке своего дома.

— Да, к счастью, — ответил Карлсон.

Малыш посмотрел вокруг.

— Куда ни глянь, крыши! — воскликнул он.

— Несколько километров крыш, где можно гулять и проказничать.

— Мы тоже будем проказничать? Ну, хоть немножко, а? — в восторге спросил Малыш.

Он вспомнил, как захватывающе интересно было на крыше в тот раз, когда они проказничали там вместе с Карлсоном.

Но Карлсон строго посмотрел на него:

— Понятно, лишь бы увильнуть от уборки, да? Я работаю на тебя как каторжный, выбиваюсь из сил, чтобы хоть немного прибрать твой хлев, а ты потом предлагаешь гулять и проказничать. Ловко ты это придумал, ничего не скажешь!

Но Малыш ровным счётом ничего не придумывал.

— Я охотно тебе помогу и тоже буду убирать, если нужно.

— То-то, — сказал Карлсон и отпер дверь.

— Не беспокойся, пожалуйста, — повторил Малыш, — конечно, я помогу, если нужно...

Малыш вошёл в дом к лучшему в мире Карлсону и замер. Он долго стоял молча, и глаза его всё расширялись.

— Да, это нужно, — вымолвил он наконец.

В домике Карлсона была только одна комната. Там стоял верстак, вещь незаменимая, — и строгать на нём можно, и есть, а главное, вываливать на него что попало. Стоял и диванчик, чтобы спать, прыгать и кидать туда всё барахло. Два стула, чтобы сидеть, класть всякую всячину и влезать на них, когда нужно засунуть что-нибудь на верхнюю полку шкафа. Впрочем, обычно это не удавалось, потому что шкаф был до отказа забит тем, что уже не могло валяться просто на полу или висеть на гвоздях вдоль стен: ведь весь пол был заставлен, а стены завешаны несметным количеством

вещей! У Карлсона в комнате был камин, и в нём — таганок, на котором он готовил еду. Каминная полка тоже была заставлена самыми разными предметами. А вот с потолка почти ничего не свисало: только коловорот, да ещё кошёлка с орехами, и пакет пистонов, и клещи, и пара башмаков, и рубанок, и ночная рубашка Карлсона, и губка для мытья посуды, и кочерга, и небольшой саквояж, и мешок сушёных вишен, — а больше ничего.

Мальш долго молча стоял у порога и растерянно всё разглядывал.

— Что, прикусил язык? Да, тут есть на что посмотреть, не чета твоей комнате — у тебя там, внизу, настоящая пустыня.

— Это правда, твоя на пустыню не похожа, — согласился Мальш. — Я понимаю, что ты хочешь убрать свой дом.

Карлсон кинулся на диванчик и удобно улёгся.

— Нет, ты меня не так понял, — сказал он. — Я вовсе ничего не хочу убирать. Это ты хочешь убирать... Я уже наубирался там, у тебя. Так или не так?

— Ты что, даже и помогать мне не будешь? — с тревогой спросил Мальш.

Карлсон облокотился о подушку и засопел так, как сопят, только когда очень уютно устроятся.

— Нет, почему же, конечно, я тебе помогу, — успокоил он Мальша, перестав сопеть.

— Вот и хорошо, — обрадовался Мальш. — А то я уж испугался, что ты...

— Нет, конечно, я тебе помогу, — подхватил Карлсон. — Я буду всё время петь и подбадривать тебя поощрительными словами. Раз, два, три, и ты закружишься по комнате. Будет очень весело.

Мальш не был в этом уверен. Никогда в жизни ему ещё не приходилось так много убирать. Конечно, дома он всегда убирал свои игрушки — только всякий раз маме надо было напомнить об этом раза три, четыре, а то и пять, и он тут же всё убирал, хотя считал, что занятие это скучное, а главное, совершенно бессмысленное. Но убирать у Карлсона — совсем другое дело.

— С чего мне начать? — спросил Мальш.

— Эх, ты! Всякий дурак знает, что начинать надо с ореховой скорлупы, — ответил Карлсон. — Генеральной уборки вообще не стоит устраивать, потому что потом я никогда уже не смогу всё так хорошо расставить. Ты только немного прибери.

Ореховая скорлупа валялась на полу вперемешку с апельсиновыми корками, вишнёвыми косточками, колбасными шкурками, скомканными

бумажками, обгоревшими спичками и тому подобным мусором, так что самого пола и видно не было.

— У тебя есть пылесос? — спросил Малыш, немного подумав.

Этот вопрос был Карлсону явно не по душе. Он хмуро поглядел на Малыша:

— А среди нас, оказывается, завелись лентяи! Лучшая в мире половая тряпка и лучший в мире совок их почему-то не устраивают. Пылесосы им, видите ли, подавай, только бы от работы отлынивать! — И Карлсон даже фыркнул от возмущения. — Если бы я захотел, у меня могло быть хоть сто пылесосов. Но я не такой бездельник, как некоторые. Я не боюсь физической работы.

— А разве я боюсь? — сказал Малыш, оправдываясь. — Но... да ведь всё равно у тебя нет электричества, значит, и пылесоса быть не может.

Малыш вспомнил, что домик Карлсона лишён всех современных удобств. Там не было ни электричества, ни водопровода.

По вечерам Карлсон зажигал керосиновую лампу, а воду брал из кадки, которая стояла у крылечка, под водосточной трубой.

— У тебя и мусоропровода нет, — продолжал Малыш, — хотя тебе он очень нужен.

— У меня нет мусоропровода? — возмутился Карлсон. — Откуда ты взял? Подмети-ка пол, и я покажу тебе лучший в мире мусоропровод.

Малыш вздохнул, взял веник и принялся за дело. А Карлсон вытянулся на диванчике, подложив руки под голову, и наблюдал за ним. Вид у него был очень довольный.

И он запел, чтобы помочь Малышу, — точь-в-точь как обещал:

— Долог день для того,
Кто не сделал ничего.
Кончил дело — гуляй смело!

Золотые слова, — сказал Карлсон и зарылся в подушку, чтобы улечься поудобнее.

А Малыш всё подметал и подметал. В самый разгар уборки Карлсон прервал своё пение и сказал:

— Ты можешь устроить себе небольшую переменуку и сварить мне кофе.

— Сварить кофе? — переспросил Малыш.

— Да, пожалуйста, — подтвердил Карлсон. — Я не хочу тебя особенно

утруждать. Тебе придётся только развести огонь под таганком, принести воды и приготовить кофе. А уж пить его я буду сам.

Малыш печально посмотрел на пол, на котором почти не было видно следов его усилий.

— Может, ты сам займёшься кофе, пока я буду подметать?

Карлсон тяжело вздохнул.

— Как это только можно быть таким ленивым, как ты? — спросил он. — Раз уж ты устраиваешь себе перемену, неужели так трудно сварить кофе?

— Нет, конечно, нетрудно, — ответил Малыш, — но дай мне сказать. Я думаю...

— Не дам, — перебил его Карлсон. — Не трать понапрасну слов! Лучше бы ты постарался хоть чем-то услужить человеку, который в поте лица пылесосил твои уши и вообще из кожи вон лез ради тебя.

Малыш отложил веник, взял ведро и побежал за водой. Потом принёс из чулана дрова, сложил их под таганком и попытался развести огонь, но у него ничего не получалось.

— Понимаешь, у меня нет опыта, — начал Малыш смущённо, — не мог бы ты... Только огонь развести, а?

— И не заикайся, — отрезал Карлсон. — Вот если бы я был на ногах, тогда дело другое, тогда бы я тебе показал, как разводить огонь, но ведь я лежу, и ты не можешь требовать, чтобы я плясал вокруг тебя.

Малышу это показалось убедительным. Он ещё раз чиркнул спичкой, и вдруг взметнулось пламя, дрова затрещали и загудели.

— Взялись! — радостно воскликнул Малыш.

— Вот видишь! Надо только действовать энергичней и не рассчитывать на чью-то помощь, — сказал Карлсон. — Теперь поставь на огонь кофейник, собери всё, что нужно для кофе, на этот вот красивый подносик, да не забудь положить булочки, и продолжай себе подметать; пока кофе закипит, ты как раз успеешь всё убрать.

— Скажи, а ты уверен, что сам будешь кофе пить? — спросил Малыш с издёвкой.

— О да, кофе пить я буду сам, — уверил его Карлсон. — Но и ты получишь немного, ведь я на редкость гостеприимен.

Когда Малыш всё подмёл и высыпал ореховую скорлупу, вишнёвые косточки и грязную бумагу в большое помойное ведро, он присел на край диванчика, на котором лежал Карлсон, и они стали вдвоём пить кофе и есть булочки — много булочек. Малыш блаженствовал — до чего же хорошо у Карлсона, хотя убирать у него очень утомительно!

— А где же твой мусоропровод? — спросил Малыш, проглотив последний кусочек булки.

— Сейчас покажу, — сказал Карлсон. — Возьми помойное ведро и иди за мной.

Они вышли на крыльцо.

— Вот, — сказал Карлсон и указал на крыши.

— Как... что ты хочешь сказать? — растерялся Малыш.

— Сыпь прямо туда, — сказал Карлсон. — Вот тебе и лучший в мире мусоропровод.

— Ведь получится, что я кидаю мусор на улицу, — возразил Малыш. — А этого нельзя делать.

— Нельзя, говоришь? Сейчас увидишь. Беги за мной!

Схватив ведро, он помчался вниз по крутому скату крыши. Малыш испугался, подумав, что Карлсон не сумеет остановиться, когда добежит до края.

— Тормози! — крикнул Малыш. — Тормози!

И Карлсон затормозил. Но только когда очутился на самом-самом краю.

— Чего ты ждёшь? — крикнул Карлсон Малышу. — Беги ко мне.

Малыш сел на крышу и осторожно пополз вниз.

— Лучший в мире мусоропровод!.. Высота падения мусора двадцать метров, — сообщил Карлсон и быстро опрокинул ведро.

Ореховая скорлупа, вишнёвые косточки, скомканная бумага устремились по лучшему в мире «мусоропроводу» могучим потоком на улицу и угодили прямо на голову элегантному господину, который шёл по тротуару и курил сигару.

— Ой, — воскликнул Малыш, — ой, ой, гляди, всё попало ему на голову!

Карлсон только пожал плечами:

— Кто ему велел гулять под мусоропроводом?

У Малыша был всё же озабоченный вид.

— Наверно, у него ореховая скорлупа набилась в ботинки, а в волосах застряли вишнёвые косточки. Это не так уж приятно!

— Пустяки, дело житейское, — успокоил Малыша Карлсон. — Если человеку мешает жить только ореховая скорлупа, попавшая в ботинок, он может считать себя счастливым.

Но что-то было не похоже, чтобы господин с сигарой чувствовал себя счастливым. С крыши они видели, как он долго и тщательно отряхивается, а потом слышали, что он зовёт полицейского.

— Некоторые способны подымать шум по пустякам, — сказал Карлсон. — А ему бы, напротив, благодарить нас надо. Ведь если вишнёвые косточки прорастут и пустят корни в его волосах, у него на голове вырастет красивое вишнёвое деревцо, и тогда он сможет день-деньской гулять где захочет, рвать всё время вишни и выплёвывать косточки.

Но полицейского поблизости не оказалось, и господину с сигарой пришлось отправиться домой, так и не высказав никому своего возмущения по поводу ореховой скорлупы и вишнёвых косточек.

А Карлсон и Малыш полезли вверх по крыше и благополучно добрались до домика за трубой.

— Я тоже хочу выплёвывать вишнёвые косточки, — заявил Карлсон, едва они переступили порог комнаты. — Раз ты так настаиваешь, лезь за вишнями — они там, в мешке, подвешенном к потолку.

— Думаешь, я достану? — спросил Малыш.

— А ты заберись на верстак.

Малыш так и сделал, а потом они с Карлсоном сидели на крылечке, ели сухие вишни и выплёвывали косточки, которые, подскакивая с лёгким стуком, весело катились вниз по крыше.

Вечерело. Мягкие, тёплые осенние сумерки спускались на крыши и дома. Малыш придвинулся поближе к Карлсону. Было так уютно сидеть на крыльце и есть вишни, но становилось всё темней и темней. Дома выглядели теперь совсем иначе, чем прежде, — сперва они посерели, сделались какими-то таинственными, а под конец стали казаться уже совсем чёрными. Словно кто-то вырезал их огромными ножницами из чёрной бумаги и только кое-где наклеил кусочки золотой фольги, чтобы изобразить светящиеся окна. Этих золотых окошек становилось всё больше и больше, потому что люди зажигали свет в своих комнатах. Малыш

попытался было пересчитать эти светящиеся прямоугольнички. Сперва было только три, потом оказалось десять, а потом так много, что зарябило в глазах. А в окнах были видны люди — они ходили по комнатам и занимались кто чем, и можно было гадать, что же они делают, какие они и почему живут именно здесь, а не в другом месте.

Впрочем, гадал только Малыш. Карлсону всё было ясно.

— Где-то же им надо жить, беднягам, — сказал он. — Ведь не могут же все жить на крыше и быть лучшими в мире Карлсонами.

Карлсон шумит

Карлсон шумит

Пока Малыш гостил у Карлсона, мама была у доктора. Она задержалась дольше, чем рассчитывала, а когда вернулась домой, Малыш уже преспокойно сидел в своей комнате и рассматривал марки.

— А ты, Малыш, всё возишься с марками?

— Ага, — ответил Малыш, и это была правда.

А о том, что он всего несколько минут назад вернулся с крыши, он просто умолчал. Конечно, мама очень умная и почти всё понимает, но поймёт ли она, что ему обязательно нужно было лезть на крышу, — в этом Малыш всё же не был уверен. Поэтому он решил ничего не говорить о появлении Карлсона. Во всяком случае, не сейчас. Во всяком случае, не раньше, чем соберётся вся семья. Он преподнесёт этот роскошный сюрприз за обедом. К тому же мама показалась ему какой-то невесёлой. На лбу, между бровями, залегла складка, которой там быть не должно, и Малыш долго ломал себе голову, откуда она взялась.

Наконец собралась вся семья, и тогда мама позвала всех обедать; все вместе сели за стол: и мама, и папа, и Боссе, и Бетан, и Малыш. На обед

были голубцы — опять капуста! А Малыш любил только то, что не件зно. Но под столом у его ног лежал Бимбо, который ел всё без разбору. Малыш развернул голубец, скомкал капустный лист и тихонько швырнул его на пол, для Бимбо.

— Мама, скажи ему, что нельзя это делать, — сказала Бетан, — а то Бимбо вырастет таким же невоспитанным, как Малыш.

— Да, да, конечно, — рассеянно сказала мама. Сказала так, словно и не слышала, о чём речь.

— А вот меня, когда я была маленькой, заставляли съесть всё до конца, — не унималась Бетан.

Малыш показал ей язык.

— Вот, вот, полюбуйтесь. Что-то я не замечаю, чтобы слово мамы произвело на тебя хоть какое-нибудь впечатление, Малыш.

Глаза у мамы вдруг наполнились слезами.

— Не ругайтесь, прошу вас, — сказала она. — Я не могу этого слышать.

И тут выяснилось, почему у мамы невесёлый вид.

— Доктор сказал, что у меня сильное малокровие. От переутомления. Он сказал, что мне необходимо уехать за город и как следует отдохнуть.

За столом воцарилось молчание. Долгое время никто не проронил ни слова. Какая печальная новость! Мама, оказывается, заболела, стряслась настоящая беда — вот что думали все. А Малыш думал ещё и о том, что

теперь маме надо уехать, и от этого становилось ещё ужасней.

— Я хочу, чтобы ты стояла на кухне всякий раз, когда я прихожу из школы, и чтобы на тебе был передник, и чтобы каждый день ты пекла плюшки, — сказал наконец Малыш.

— Ты думаешь только о себе, — строго осадил его Боссе.

Малыш прижался к маме.

— Конечно, ведь без мамы не получишь плюшек, — сказал он.

Но мама этого не слышала. Она разговаривала с папой.

— Постараемся найти домашнюю работницу на время моего отъезда.

И папа и мама были очень озабочены. Обед прошёл не так хорошо, как обычно. Малыш понимал, что надо что-то сделать, чтобы хоть немножко всех развеселить, а кто лучше его сможет с этим справиться?

— Послушайте теперь приятную новость, — начал он. — Угадайте-ка, кто сегодня вернулся?

— Кто вернулся?.. Надеюсь, не Карлсон? — с тревогой спросила мама. — Не доставляй нам ещё лишних огорчений!

Малыш с укором посмотрел на неё:

— Я думал, появление Карлсона всех обрадует, а не огорчит.

Боссе расхохотался:

— Хорошая у нас теперь будет жизнь! Без мамы, но зато с Карлсоном и домработницей, которая наведёт здесь свои порядки.

— Не пугайте меня, — сказала мама. — Подумайте только, что станет с домработницей, если она увидит Карлсона.

Папа строго посмотрел на Малыша.

— Этого не будет, — сказал он. — Домработница никогда не увидит Карлсона и ничего не услышит о нём, обещай, Малыш.

— Вообще-то Карлсон летает куда хочет, — сказал Малыш. — Но я могу обещать никогда ей о нём не рассказывать.

— И вообще ни одной живой душе ни слова, — сказал папа. — Не забывай наш уговор.

— Если живой душе нельзя, то, значит, нашей школьной учительнице можно.

Но папа покачал головой:

— Нет, ни в коем случае, и ей нельзя.

— Понятно! — воскликнул Малыш. — Значит, мне и о домработнице тоже нельзя никому рассказывать? Потому что с ней наверняка будет не меньше хлопот, чем с Карлсоном.

Мама вздохнула:

— Ещё неизвестно, сможем ли мы найти домработницу.

На следующий день они дали объявление в газете. Но позвонила им только одна женщина. Звали её фрёкен Бок. Несколько часов спустя она пришла договариваться о месте. У Малыша как раз разболелось ухо, и ему хотелось быть возле мамы. Лучше всего было бы сесть к ней на колени, хотя, собственно говоря, для этого он уже был слишком большой.

«Когда болят уши, то можно», — решил он наконец и забрался к маме на колени.

Тут позвонили в дверь. Это пришла фрёкен Бок. Малышу пришлось слезть с коленей. Но всё время, пока она сидела, Малыш не отходил от мамы ни на шаг, висел на спинке её стула и прижимался больным ухом к её руке, а когда становилось особенно больно, тихонько хныкал.

Малыш надеялся, что домработница будет молодая, красивая и милая девушка, вроде учительницы в школе. Но всё вышло наоборот. Фрёкен Бок оказалась суровой пожилой дамой высокого роста, грузной, да к тому же весьма решительной и в мнениях и в действиях. У неё было несколько подбородков и такие злющие глаза, что Малыш поначалу даже испугался. Он сразу ясно понял, что никогда не полюбит фрёкен Бок. Бимбо это тоже понял и всё лаял и лаял, пока не охрип.

— Ах, вот как! У вас, значит, собачка? — сказала фрёкен Бок.

Мама заметно встревожилась.

— Вы не любите собак, фрёкен Бок? — спросила она.

— Нет, отчего же, я их люблю, если они хорошо воспитаны.

— Я не уверена, что Бимбо хорошо воспитан, — смущённо призналась мама.

Фрёкен Бок энергично кивнула.

— Он будет хорошо воспитан, если я поступлю к вам. У меня собаки быстро становятся шёлковыми.

Малыш молился про себя, чтобы она к ним никогда не поступила. К тому же снова больно кольнуло в ухе, и он тихонько захныкал.

— Что-что, а вышколить собаку, которая лает, и мальчика, который ноет, я сумею, — заявила фрёкен Бок и усмехнулась.

Видно, этим она хотела пристыдить его, но он считал, что стыдиться ему нечего, и поэтому сказал тихо, как бы про себя:

— А у меня скрипучие ботинки.

Мама услышала это и густо покраснела.

— Надеюсь, вы любите детей, фрёкен Бок, да?

— О да, конечно, если они хорошо воспитаны, — ответила фрёкен Бок и уставилась на Малыша.

И снова мама смутилась.

— Я не уверена, что Малыш хорошо воспитан, — пробормотала она.

— Он будет хорошо воспитан, — успокоила маму фрёкен Бок. — Не беспокойтесь, у меня и дети быстро становятся шёлковыми.

Тут уж Малыш покраснел от волнения: он так жалел детей, которые стали шёлковыми у фрёкен Бок! А вскоре он и сам будет одним из них.

Чего же удивляться, что он так перепугался?

Впрочем, у мамы тоже был несколько обескураженный вид. Она погладила Малыша по голове и сказала:

— Что касается мальчика, то с ним легче всего справиться лаской.

— Опыт подсказывает мне, что ласка не всегда помогает, — решительно возразила фрёкен Бок. — Дети должны чувствовать твёрдую руку.

Затем фрёкен Бок сказала, сколько она хочет получать в месяц, и оговорила, что её надо называть не домработницей, а домоправительницей. На этом переговоры закончились.

Тут как раз папа вернулся с работы, и мама их познакомила.

— Наша домоправительница, фрёкен Бок.

— Наша... домомучительница, — прошипел Малыш и со всех ног бросился из комнаты.

На другой день мама уехала к бабушке. Провожая её, все плакали, а Малыш больше всех.

— Я не хочу оставаться один с этой домомучительницей! — всхлипывал он.

Но делать было нечего, это он и сам понимал. Ведь Боссе и Бетан приходили из школы поздно, а папа не возвращался с работы раньше пяти часов. Каждый день Малышу придётся проводить много-много часов с глазу на глаз с домомучительницей. Вот почему он так плакал.

Мама поцеловала его:

— Постарайся быть молодцом... ради меня! И, пожалуйста, не зови её домомучительницей.

Неприятности начались со следующего же дня, как только Малыш пришёл из школы. На кухне не было ни мамы, ни какао с плюшками — там теперь царил фрёкен Бок, и нельзя сказать, что появление Малыша её обрадовало.

— Всё мучное портит аппетит, — заявила она. — Никаких плюшек ты не получишь.

А ведь сама их испекла: целая гора плюшек стыла на блюде перед открытым окном.

— Но... — начал было Малыш.

— Никаких «но», — перебила его фрёкен Бок. — Прежде всего, на кухне мальчику делать нечего. Отправляйся-ка в свою комнату и учи уроки. Повесь куртку и помой руки! Ну, поживей!

И Малыш ушёл в свою комнату. Он был злой и голодный. Бимбо лежал в корзине и спал. Но едва Малыш переступил порог, как он стрелой

вылетел ему навстречу.

«Хоть кто-то рад меня видеть», — подумал Малыш и обнял пёсика.

— Она с тобой тоже плохо обошлась? Терпеть её не могу! «Повесь куртку и помой руки!» Может, я должен ещё проветрить шкаф и вымыть ноги? И вообще я вешаю куртку без напоминаний! Да, да!

Он швырнул куртку в корзину Бимбо, и Бимбо удобно улёгся на ней, вцепившись зубами в рукав.

Малыш подошёл к окну и стал смотреть на улицу. Он стоял и думал о том, как он несчастен и как тоскливо без мамы. И вдруг ему стало весело: он увидел, что над крышей дома, на той стороне улицы, Карлсон отрабатывает сложные фигуры высшего пилотажа. Он кружил между трубами и время от времени делал в воздухе мёртвую петлю.

Малыш бешено ему замахал, и Карлсон тут же прилетел, да на таком бреющем полёте, что Малышу пришлось отскочить в сторону, иначе Карлсон прямо врезался бы в него.

— Привет, Малыш! — крикнул Карлсон. — Уж не обидел ли я тебя чем-нибудь? Почему у тебя такой хмурый вид? Ты себя плохо чувствуешь?

— Да нет, не в этом дело, — ответил Малыш и рассказал Карлсону о своих несчастьях и о том, что мама уехала и что вместо неё появилась какая-то домохозяйка, до того противная, злая и жадная, что даже плюшек у неё не выпросишь, когда приходишь из школы, хотя на окне стоит целое блюдо ещё тёплых плюшек.

Глаза Карлсона засверкали.

— Тебе повезло, — сказал он. — Угадай, кто лучший в мире укротитель домохозяек?

Малыш сразу догадался, но никак не мог себе представить, как Карлсон справится с фрёкен Бок.

— Я начну с того, что буду её низводить.

— Ты хочешь сказать «изводить»? — переспросил Малыш.

Такие глупые придирки Карлсон не мог стерпеть.

— Если бы я хотел сказать «изводить», я так бы и сказал. А «низводить», как ты мог бы понять по самому слову, — значит делать то же самое, но только гораздо смешнее.

Малыш подумал и вынужден был признать, что Карлсон прав. «Низводить» и в самом деле звучало куда более смешно.

— Я думаю, лучше всего начать с низведения плюшками, — сказал Карлсон. — И ты должен мне помочь.

— Как? — спросил Малыш.

— Отправляйся на кухню и заведи разговор с домохозяйкой.

— Да, но... — начал Малыш.

— Никаких «но», — остановил его Карлсон. — Говори с ней о чём хочешь, но так, чтобы она хоть на миг отвела глаза от окна.

Тут Карлсон захохотал, он прямо кудахтал от смеха, потом нажал кнопку, пропеллер завертелся, и, всё ещё весело кудахча, Карлсон вылетел в окно.

А Малыш храбро двинулся на кухню. Теперь, когда ему помогал лучший в мире укротитель домомучительниц, ему нечего было бояться.

На этот раз фрёкен Бок ещё меньше обрадовалась его появлению. Она как раз варила себе кофе, и Малыш прекрасно понимал, что она собиралась провести в тишине несколько приятных минут, заедая кофе свежими плюшками. Должно быть, есть мучное вредно только детям.

Фрёкен Бок взглянула на Малыша. Вид у неё был весьма кислый.

— Что тебе надо? — спросила она ещё более кислым голосом.

Малыш подумал, что теперь самое время с ней заговорить. Но он решительно не знал, с чего начать.

— Угадайте, что я буду делать, когда вырасту таким большим, как вы, фрёкен Бок? — сказал он.

И в это мгновение он услышал знакомое слабое жужжание у окна. Но Карлсона не было видно. Только маленькая пухлая ручка вдруг мелькнула в окне и схватила плюшку с блюда. Малыш захихикал. Фрёкен Бок ничего не заметила.

— Так что же ты будешь делать, когда вырастешь большой? — спросила она нетерпеливо. Было ясно, что её это совершенно не интересует. Она только хотела как можно скорее отделаться от Малыша.

— Нет, сами угадайте! — настаивал Малыш.

И тут он снова увидел, как та же маленькая пухлая ручка взяла ещё одну плюшку с блюда. И Малыш снова хихикнул. Он старался сдержаться, но ничего не получалось. Оказывается, в нём скопилось очень много смеха, и этот смех неудержимо рвался наружу. Фрёкен Бок с раздражением подумала, что он самый утомительный в мире мальчик. Принесла же его нелёгкая именно теперь, когда она собиралась спокойно попить кофейку.

— Угадайте, что я буду делать, когда вырасту таким большим, как вы, фрёкен Бок? — повторил Малыш и захихикал пуще прежнего, потому что теперь уже две маленькие пухленькие ручки утащили с блюда несколько оставшихся плюшек.

— Мне некогда стоять здесь с тобой и выслушивать твои глупости, — сказала фрёкен Бок. — И я не собираюсь ломать себе голову над тем, что ты будешь делать, когда вырастешь большой. Но пока ты ещё маленький,

изволь слушаться и поэтому сейчас же уходи из кухни и учи уроки.

— Да, само собой, — сказал Малыш и так расхохотался, что ему пришлось даже прислониться к двери. — Но когда я вырасту такой большой, как вы, фрёкен Бок, я буду всё время ворчать, уж это точно.

Фрёкен Бок изменилась в лице, казалось, она сейчас накинется на Малыша, но тут с улицы донёлся какой-то странный звук, похожий на мычание. Она стремительно обернулась и обнаружила, что плюшек на блюде не было.

Фрёкен Бок завопила в голос:

— О боже, куда девались мои плюшки?

Она кинулась к подоконнику. Может, она надеялась увидеть, как удирает вор, сжимая в охапке сдобные плюшки. Но ведь семья Свантесон живёт на четвёртом этаже, а таких длинноногих воров не бывает, этого даже она не могла не знать.

Фрёкен Бок опустила на стул в полной растерянности.

— Неужто голуби? — пробормотала она.

— Судя по мычанию, скорее корова, — заметил Малыш. — Какая-нибудь летающая коровка, которая очень любит плюшечки. Вот она их увидела и слизала язычком.

— Не болтай глупости, — буркнула фрёкен Бок.

Но тут Малыш снова услышал знакомое жужжание у окна и, чтобы заглушить его и отвлечь фрёкен Бок, запел так громко, как только мог:

— Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба,
Сушек, плюшек,
Сладеньких ватрушек.

Малыш часто сочинял вместе с мамой стишки и сам понимал, что насчёт божьей коровки, сушек и плюшек они удачно придумали. Но фрёкен Бок была другого мнения.

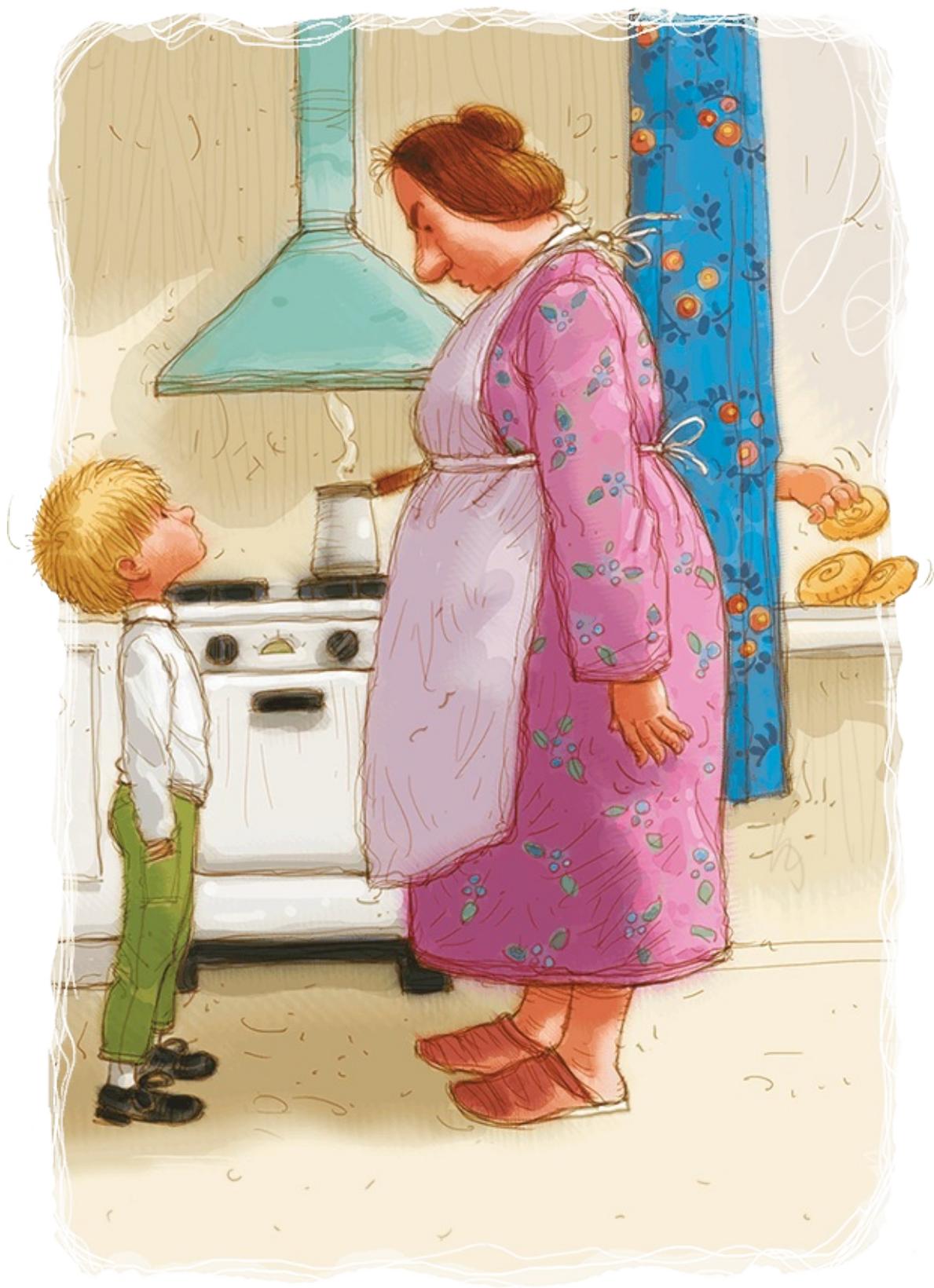
— Немедленно замолчи! Мне надоели твои глупости! — закричала она.

Как раз в этот момент у окна что-то так звякнуло, что они оба вздрогнули от испуга. Они обернулись и увидели, что на пустом блюде лежит монетка в пять эре.

Малыш снова захихикал.

— Какая честная коровка, — сказал он сквозь смех. — Она заплатила за плюшки.

Фрёкен Бок побагровела от злости.

— Что за идиотская шутка! — заорала она и снова кинулась к окну. — Наверно, это кто-нибудь из верхней квартиры забавляется тем, что крадёт у меня плюшки и швыряет сюда пятиэровые монетки.

— Над нами никого нет, — заявил Малыш. — Мы живём на верхнем этаже, над нами только крыша.

Фрёкен Бок совсем взбесилась.

— Ничего не понимаю! — вопила она. — Решительно ничего.

— Да это я уже давно заметил, — сказал Малыш. — Но стоит ли огорчаться, не всем же быть понятливыми.

За эти слова Малыш получил пощёчину.

— Я тебе покажу, как дерзить! — кричала она.

— Нет-нет, не надо, не показывайте, — взмолился Малыш и заплакал, — а то мама меня не узнает, когда вернётся домой.

Глаза у Малыша блестели. Он продолжал плакать. Никогда в жизни он ещё не получал пощёчин, и ему было очень обидно. Он злобно поглядел на фрёкен Бок. Тогда она схватила его за руку и потащила в комнату.

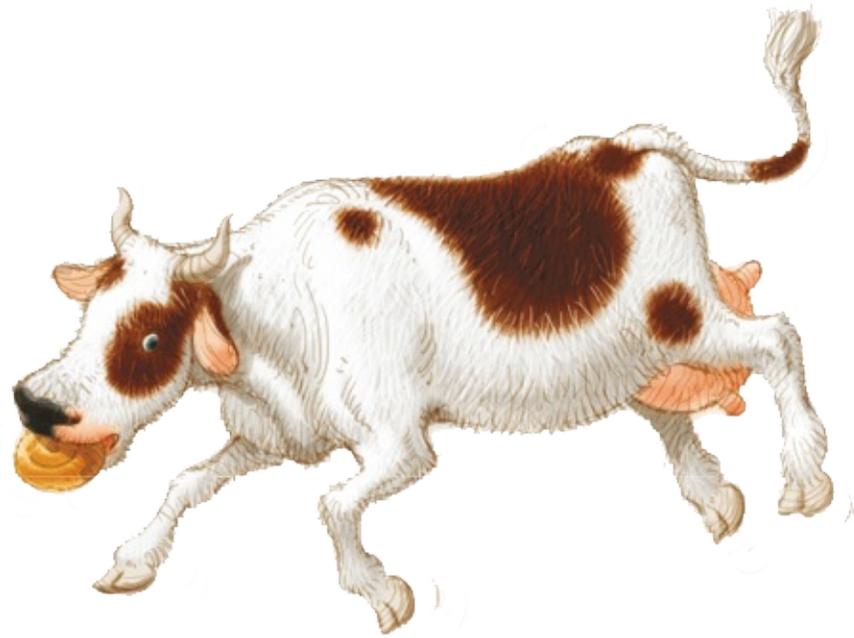
— Сиди здесь, и пусть тебе будет стыдно, — сказала она. — Я запру дверь и выну ключ, теперь тебе не удастся бегать каждую минуту на кухню.

Она посмотрела на свои часы.

— Надеюсь, часа хватит, чтобы сделать тебя шёлковым. В три часа я тебя выпущу. А ты тем временем вспомни, что надо сказать, когда просят прощения.

И фрёкен Бок ушла. Малыш услышал, как щёлкнул замок: он просто заперт и не может выйти. Это было ужасно. Он ненавидел фрёкен Бок. Но в то же время совесть у него была не совсем чиста, потому что и он вёл себя не безупречно. А теперь его посадили в клетку. Мама решит, что он дразнил домомучительницу, дерзил ей. Он подумал о маме, о том, что ещё долго её не увидит, и ещё немножко поплакал.

Но тут он услышал жужжание, и в комнату влетел Карлсон.

Карлсон устраивает пир

— Как бы ты отнёсся к скромному завтраку на моём крыльце? — спросил Карлсон. — Какао и свежие плюшки. Я тебя приглашаю.

Мальш поглядел на него с благодарностью. Лучше Карлсона нет никого на свете! Мальшу захотелось его обнять, и он попытался даже это сделать, но Карлсон отпихнул его.

— Спокойствие, только спокойствие. Я не твоя бабушка. Ну, полетели?

— Ещё бы! — воскликнул Мальш. — Хотя, собственно говоря, я заперт. Понимаешь, я вроде как в тюрьме.

— Выходки домомучительницы, понятно. Её воля — ты здесь насиделся бы!

Глаза Карлсона вдруг загорелись, и он запрыгал от радости.

— Знаешь что? Мы будем играть, будто ты в тюрьме и терпишь страшные муки из-за жестокого надзирателя — домомучительницы, понимаешь? А тут вдруг появляется самый смелый в мире, сильный, прекрасный, в меру упитанный герой и спасает тебя.

— А кто он, этот герой? — спросил Мальш.

Карлсон укоризненно посмотрел на Мальша:

— Попробуй угадать! Слабо?

— Наверно, ты, — сказал Мальш. — Но ведь ты можешь спасти меня сию минуту, верно?

Против этого Карлсон не возражал.

— Конечно, могу, потому что герой этот к тому же очень быстрый, — объяснил он. — Быстрый, как ястреб, да, да, честное слово, и смелый, и сильный, и прекрасный, и в меру упитанный, и он вдруг появляется и спасает тебя, потому что он такой необычайно храбрый. Гоп-гоп, вот он!

Карлсон крепко обхватил Малыша и стрелой взмыл с ним ввысь. Что и говорить, бесстрашный герой! Бимбо залаял, когда увидел, как Малыш вдруг исчез в окне, но Малыш крикнул ему:

— Спокойствие, только спокойствие! Я скоро вернусь.

Наверху, на крыльце Карлсона, рядом лежали десять румяных плюшек. Выглядели они очень аппетитно.

— И к тому же я за них честно заплатил, — похвастался Карлсон. — Мы их поделим поровну — семь тебе и семь мне.

— Так не получится, — возразил Малыш. — Семь и семь — четырнадцать, а у нас только десять плюшек.

В ответ Карлсон поспешно сложил семь плюшек в горку.

— Вот мои, я их уже взял, — заявил он и прикрыл своей пухлой ручкой сдобную горку. — Теперь в школах так по-дурацки считают. Но я из-за этого страдать не намерен. Мы возьмём по семь штук, как я сказал — мои вот.

Малыш миролюбиво кивнул.

— Хорошо, всё равно я не смогу съесть больше трёх. А где же какао?

— Внизу, у домомучительницы, — ответил Карлсон. — Сейчас мы его принесём.

Малыш посмотрел на него с испугом. У него не было никакой охоты снова увидеть фрёкен Бок и получить от неё, чего доброго, ещё пощёчину. К тому же он не понимал, как они смогут раздобыть банку с какао. Она ведь стоит не у открытого окна, а на полке, возле плиты, на виду у фрёкен Бок.

— Как же это можно сделать? — недоумевал Малыш.

Карлсон завизжал от восторга:

— Куда тебе это сообразить, ты всего-навсего глупый мальчишка! Но если за дело берётся лучший в мире проказник, то беспокоиться нечего.

— Да, но как... — начал Малыш.

— Скажи, ты знаешь, что в нашем доме есть маленькие балкончики? — спросил Карлсон.

Конечно, Малыш это знал. Мама частенько выбивала на таком балкончике половики. Попасть на эти балкончики можно было только с лестницы чёрного хода.

— А знаешь ли ты, что от чёрного хода до балкончика один

лестничный пролёт, всего десять ступенек? — спросил Карлсон.

Малыш всё ещё ничего не понимал.

— А зачем мне надо забираться на этот балкончик?

Карлсон вздохнул.

— Ох, до чего же глупый мальчишка, всё-то ему нужно разжевать. Раствори-ка пошире уши и слушай, что я придумал.

— Ну, говори, говори! — поторопил Малыш, он явно сгорал от нетерпения.

— Так вот, — не спеша начал Карлсон, — один глупый мальчишка прилетает на вертолётёте системы «Карлсон» на этот балкончик, затем сбегает вниз всего на десять ступенек и трезвонит во всю мочь у вашей двери. Понимаешь? Злющая домомучительница слышит звонок и твёрдым шагом идёт открывать дверь. Таким образом на несколько минут кухонный плацдарм очищен от врага. А храбрый и в меру упитанный герой влетает в окно и тут же вылетает назад с банкою какао в руках. Глупый мальчишка трезвонит ещё разок долго-предолго и убегает назад на балкончик. А злющая домомучительница открывает дверь и становится ещё злее, когда обнаруживает, что на площадке никого нет. А она, может, надеялась получить букет красных роз! Выругавшись, она захлопывает дверь. Глупый мальчишка на балкончике смеётся, поджидая появления в меру упитанного героя, который переправит его на крышу, а там их ждёт роскошное угощение — свежие плюшки... Привет, Малыш, угадай, кто лучший в мире проказник? А теперь за дело!

И прежде чем Малыш успел опомниться, Карлсон полетел с ним на балкончик. Они сделали такой резкий вираж, что у Малыша загудело в ушах и засосало под ложечкой ещё сильнее, чем на «американских горках». Затем всё произошло точь-в-точь так, как сказал Карлсон.

Моторчик Карлсона жужжал у окна кухни, а Малыш трезвонил у двери чёрного хода что было сил. Он тут же услышал приближающиеся шаги, бросился бежать и очутился на балкончике. Секунду спустя приоткрылась входная дверь, и фрёкен Бок высунула голову на лестничную площадку. Малыш осторожно вытянул шею и увидел её сквозь стекло балконной двери. Он убедился, что Карлсон как в воду глядел: злющая домомучительница просто позеленела от бешенства, когда увидела, что никого нет. Она стала громко браниться и долго стояла в открытых дверях, словно ожидая, что тот, кто только что потревожил её звонком, вдруг появится снова. Но тот, кто звонил, притаился на балкончике и беззвучно смеялся до тех пор, пока в меру упитанный герой не прилетел за ним и не доставил его на крыльцо домика за трубой, где их ждал настоящий пир.

Это был лучший в мире пир — на таком Малышу и не снилось побывать.

— До чего здорово! — сказал Малыш, когда он уже сидел на ступеньке крыльца рядом с Карлсоном, жевал плюшку, прихлёбывал какао и глядел на сверкающие на солнце крыши и башни Стокгольма.

Плюшки оказались очень вкусными, какао тоже удалось на славу. Малыш сварил его на таганке у Карлсона. Молоко и сахар, без которых какао не сварить, Карлсон прихватил на кухне у фрёкен Бок вместе с

банкой какао.

— И, как полагается, я за всё честно уплатил пятиэровой монеткой, она и сейчас ещё лежит на кухонном столе, — с гордостью заявил Карлсон. — Кто честен, тот честен, тут ничего не скажешь.

— Где ты только взял все эти пятиэровые монетки? — удивился Малыш.

— В кошельке, который я нашёл на улице, — объяснил Карлсон. — Он битком набит этими монетками, да ещё и другими тоже.

— Значит, кто-то потерял кошелёк. Вот бедняга! Он, наверно, очень огорчился.

— Ещё бы, — подхватил Карлсон. — Но извозчик не должен быть разиней.

— Откуда ты знаешь, что это был извозчик? — изумился Малыш.

— Да я же видел, как он потерял кошелёк, — сказал Карлсон. — А что это извозчик, я понял по шляпе. Я ведь не дурак.

Малыш укоризненно поглядел на Карлсона. Так себя не ведут, когда на твоих глазах кто-то теряет вещь, — это он *должен* объяснить Карлсону. Но только не сейчас... как-нибудь в другой раз! Сейчас ему хочется сидеть на ступеньке рядом с Карлсоном и радоваться солнышку и плюшкам с какао.

Карлсон быстро справился со своими семью плюшками. У Малыша дело продвигалось куда медленнее. Он ел ещё только вторую, а третья лежала возле него на ступеньке.

— До чего мне хорошо! — сказал Малыш.

Карлсон наклонился к нему и пристально поглядел ему в глаза:

— Что-то, глядя на тебя, этого не скажешь. Выглядишь ты плохо, да, очень плохо, на тебе просто лица нет.

И Карлсон озабоченно пощупал лоб Малыша.

— Так я и думал! Типичный случай плюшечной лихорадки.

Малыш удивился:

— Это что ещё за... плюшечная лихорадка?

— Страшная болезнь, она валит с ног, когда объедаешься плюшками.

— Но тогда эта самая плюшечная лихорадка должна быть прежде всего у тебя!

— А вот тут ты как раз ошибаешься. Видишь ли, я ею переболел, когда мне было три года, а она бывает только один раз, ну, как корь или коклюш.

Малыш совсем не чувствовал себя больным, и он попытался сказать это Карлсону.

Но Карлсон всё же заставил Малыша лечь на ступеньку и как следует побрызгал ему в лицо какао.

— Чтобы ты не упал в обморок, — объяснил Карлсон и придвинул к себе третью плюшку Малыша. — Тебе больше нельзя съесть ни кусочка, ты можешь тут же умереть. Но подумай, какое счастье для этой бедной маленькой плюшечки, что есть я, не то она лежала бы здесь на ступеньке в полном одиночестве, — сказал Карлсон и мигом проглотил её.

— Теперь она уже не одинока, — заметил Малыш.

Карлсон удовлетворённо похлопал себя по животу.

— Да, теперь она в обществе своих семи товарок и чувствует себя

отлично.

Малыш тоже чувствовал себя отлично. Он лежал на ступеньке, и ему было очень хорошо, несмотря на плюшечную лихорадку. Он был сыт и охотно простил Карлсону его выходку с третьей плюшкой.

Но тут он взглянул на башенные часы. Было без нескольких минут три. Он расхохотался:

— Скоро появится фрёкен Бок, чтобы меня выпустить из комнаты. Мне бы так хотелось посмотреть, какую она скорчит рожу, когда увидит, что меня нет.

Карлсон дружески похлопал Малыша по плечу:

— Всегда обращай со всеми своими желаниями к Карлсону, он всё уладит, будь спокоен. Сбегай только в дом и возьми мой бинокль. Он висит, если считать от диванчика, на четырнадцатом гвозде под самым потолком; ты залезай на верстак.

Малыш лукаво улыбнулся.

— Но ведь у меня плюшечная лихорадка, разве при ней не полагается лежать неподвижно?

Карлсон покачал головой.

— «Лежать неподвижно, лежать неподвижно»! И ты думаешь, что это помогает от плюшечной лихорадки? Наоборот, чем больше ты будешь бегать и прыгать, тем быстрее поправишься, это точно, посмотри в любом врачебном справочнике.

А так как Малыш хотел как можно скорее выздороветь, он послушно сбежал в дом, залез на верстак и достал бинокль, который висел на четырнадцатом гвозде, если считать от диванчика. На том же гвозде висела и картина, в нижнем углу которой был изображён маленький красный петух. И Малыш вспомнил, что Карлсон лучший в мире рисовальщик петухов: ведь это он сам написал портрет «очень одинокого петуха», как указывала надпись на картине. И в самом деле, этот петух был куда краснее и куда более одинок, чем все петухи, которых Малышу довелось до сих пор видеть. Но у Малыша не было времени рассмотреть его получше, потому что стрелка подходила к трём и медлить было нельзя.

Когда Малыш вынес на крыльцо бинокль, Карлсон уже стоял готовый к отлёту, и прежде чем Малыш успел опомниться, Карлсон полетел с ним через улицу и приземлился на крыше дома напротив.

Тут только Малыш понял, что задумал Карлсон.

— О, какой отличный наблюдательный пост, если есть бинокль и охота следить за тем, что происходит в моей комнате!

— Есть и бинокль и охота, — сказал Карлсон и посмотрел в бинокль.

Потом он передал его Малышу.

Малыш увидел свою комнату, увидел, как ему показалось, чётче, чем если бы он в ней был. Вот Бимбо — он спит в корзине, а вот его, Малышова, кровать, а вот стол, за которым он делает уроки, а вот часы на стене. Они показывают ровно три. Но фрёкен Бок что-то не видно.

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал Карлсон. — Она сейчас появится, я это чувствую: у меня дрожат рёбра, и я весь покрываюсь гусиной кожей.

Он выхватил у Малыша из рук бинокль и поднёс к глазам:

— Что я говорил? Вот открывается дверь, вот она входит с милой и приветливой улыбкой людоедки.

Малыш завизжал от смеха.

— Гляди, гляди, она всё шире открывает глаза от удивления. Не понимает, где же Малыш. Небось решила, что он удрал через окно.

Видно, и в самом деле фрёкен Бок это подумала. потому что она с ужасом подбежала к окну. Малыш даже её пожалел. Она высунулась чуть ли не по пояс и уставилась на улицу, словно ожидала увидеть там Малыша.

— Нет, там его нет, — сказал Карлсон. — Что, перепугалась?

Но фрёкен Бок так легко не теряла спокойствия. Она отошла от окна в глубь комнаты.

— Теперь она ищет, — сказал Карлсон. — Ищет в кровати... и под столом... и под кроватью... Вот здорово!.. Ой, подожди, она подходит к шкафу... Небось думает, что ты там лежишь, свернувшись в клубочек, и плачешь...

Карлсон вновь захохотал.

— Пора нам позабавиться, — сказал он.

— А как? — спросил Малыш.

— А вот как, — сказал Карлсон и, прежде чем Малыш успел опомниться, полетел с ним через улицу и кинул Малыша в его комнату. — Привет, Малыш! — крикнул он, улетаая. — Будь, пожалуйста, поласковой с домохозяйкой.

Малыш не считал, что это лучший способ позабавиться. Но ведь он обещал помогать Карлсону чем сможет. Поэтому он тихонько подкрался к своему столу, сел на стул и открыл задачник. Он слышал, как фрёкен Бок обшаривает шкаф. Сейчас она обернётся — он ждал этого момента с огромным напряжением.

И в самом деле, она тут же вынырнула из недр шкафа, и первое, что она увидела, был Малыш. Она попятилась назад и прислонилась к дверцам шкафа. Так она простояла довольно долго, не говоря ни слова и не сводя с

него глаз. Она только несколько раз опускала веки, словно проверяя себя, не обман ли это зрение.

— Скажи, ради бога, где ты прятался? — выговорила она наконец.

— Я не прятался. Я сидел за столом и решал примеры. Откуда я мог знать, фрёкен Бок, что вы хотите поиграть со мной в прятки? Но я готов... Лезьте назад в шкаф, я с удовольствием вас поищу.

Фрёкен Бок на это ничего не ответила. Она стояла молча и о чём-то думала.

— Может, я больна, — пробормотала она наконец. — В этом доме происходят такие странные вещи.

Тут Малыш услышал, что кто-то осторожно запер снаружи дверь его

комнаты. Малыш расхохотался. Лучший в мире укротитель домомучительниц явно влетел в квартиру через кухонное окно, чтобы помочь домомучительнице понять на собственном опыте, что значит сидеть взаперти.

Фрёкен Бок ничего не заметила. Она всё ещё стояла молча и, видно, что-то обдумывала. Наконец она сказала:

— Странно! Ну ладно, теперь ты можешь пойти поиграть, пока я приготовлю обед.

— Спасибо, это очень мило с вашей стороны, — сказал Малыш. — Значит, я больше не заперт?

— Нет, я разрешаю тебе выйти, — сказала фрёкен Бок и подошла к двери.

Она взялась за ручку, нажала раз, другой, третий. Но дверь не открывалась. Тогда фрёкен Бок навалилась на неё всем телом, но и это не помогло. Фрёкен Бок взревела:

— Кто запер дверь?

— Наверно, вы сами, — сказал Малыш.

Фрёкен Бок даже фыркнула от возмущения.

— Что ты болтаешь! Как я могла запереть дверь снаружи, когда сама нахожусь внутри!

— Этого я не знаю, — сказал Малыш.

— Может, это сделали Боссе или Бетан? — спросила фрёкен Бок.

— Нет, они ещё в школе, — заверил её Малыш.

Фрёкен Бок тяжело опустилась на стул.

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, что в доме появилось привидение, — сказала она.

Малыш радостно кивнул.

«Вот здорово получилось! — думал он. — Раз она считает Карлсона привидением, она, наверно, уйдёт от нас: вряд ли ей захочется оставаться в доме, где есть привидения».

— А вы, фрёкен Бок, боитесь привидений? — осведомился Малыш.

— Наоборот, — ответила она. — Я так давно о них мечтаю! Подумай только, теперь мне, может быть, тоже удастся попасть в телевизионную передачу! Знаешь, есть такая особая передача, когда телезрители выступают и рассказывают о своих встречах с привидениями. А ведь того, что я пережила здесь за один-единственный день, хватило бы на десять телевизионных передач.

Фрёкен Бок так и светилась радостью.

— Вот уж я досажу своей сестре Фриде, можешь мне поверить! Ведь

Фрида выступала по телевидению и рассказывала о привидениях, которых ей довелось увидеть, и о каких-то потусторонних голосах, которые ей довелось услышать. Но теперь я нанесу ей такой удар, что она не оправится.

— Разве вы слышали потусторонние голоса? — спросил Малыш.

— А ты что, не помнишь, какое мычание раздалось у окна, когда исчезли плюшки? Я постараюсь воспроизвести его по телевидению, чтобы телезрители услышали, как оно звучит.

И фрёкен Бок издала такой звук, что Малыш от неожиданности подскочил на стуле.

— Как будто похоже, — с довольным видом сказала фрёкен Бок.

Но тут до них донеслось ещё более страшное мычание, и фрёкен Бок побледнела, как полотно.

— Оно мне отвечает, — прошептала она. — Оно... привидение... оно мне отвечает! Вот что я расскажу по телевидению! О боже, как разозлится Фрида, как она будет завидовать!

И она не стала скрывать от Малыша, как расхвасталась Фрида по телевидению со своим рассказом о привидениях.

— Если ей верить, то весь район Вазастана кишмя кишит привидениями, и все они теснятся в нашей квартире, но почему-то только в её комнате, а в мою и не заглядывают. Подумай только, она уверяла, что однажды вечером увидела у себя в комнате руку на стене, понимаешь, руку привидения, которая написала целых восемь слов! Впрочем, сестра и в самом деле нуждалась в предостережении, — сказала фрёкен Бок.

— А что это было за предостережение? — любопытствовал Малыш.

Фрёкен Бок напрягла память:

— Как же это... ах да, вот как: «Берегись! Жизнь так коротка, а ты недостаточно серьёзна!»

Судя по виду Малыша, он ничего не понял, да так оно и было.

Фрёкен Бок решила объяснить ему, что всё это значит.

— Понимаешь, это было предостережение Фриде, что, мол, надо измениться, обрести покой, вести более размеренную жизнь.

— И она изменилась? — спросил Малыш.

Фрёкен Бок фыркнула:

— Конечно, нет, во всяком случае, я этого не вижу. Только и знает что хвастаться, считает себя звездой телевидения, хотя и выступала там всего один раз. Но теперь-то я уж знаю, как сбить с неё спесь.

Фрёкен Бок потирала руки. Она несколько не волновалась из-за того, что сидит взаперти вместе с Малышом, — наконец-то она собьёт спесь

с Фриды. Она сияла как медный грош и всё сравнивала свой опыт общения с привидениями с тем, что рассказывала Фрида по телевидению; этим она с увлечением занималась до тех пор, пока Боссе не пришёл из школы.

— Боссе, открой дверь, выпусти нас! Я заперт вместе с домом... с фрёкен Бок.

Боссе отпер дверь — он был очень удивлён таким происшествием.

— Вот те раз! Кто же это вас здесь запер?

— Об этом ты вскоре услышишь по телевидению.

Но пускаться в более подробные объяснения ей было некогда, — она и так не успела вовремя приготовить обед. Торопливым шагом пошла она на кухню.

В следующее мгновение там раздался громкий крик.

Малыш со всех ног кинулся вслед за ней. Фрёкен Бок сидела на стуле, она была ещё бледнее прежнего. Молча указала она на стену.

Оказывается, привидение сделало предупреждение не только Фриде. Фрёкен Бок тоже получила предупреждение.

На стене было написано большими неровными буквами:

«Ну и плюшки! Деньги дерёшь, а корицу жалеешь. Берегись!»

Карлсон и телевизор

Папа пришёл домой обедать и рассказал за столом о своём новом огорчении.

— Бедняжки, вам, видно, придётся побыть несколько дней совсем одним. Мне надо срочно лететь по делам в Лондон. Я могу надеяться, что всё будет в порядке?

— Конечно, в полном, — заверил его Малыш. — Если только ты не станешь под пропеллер.

— Да нет, — рассмеялся папа, — я спрашиваю про дом. Как вы здесь будете жить без меня и без мамы?

Боссе и Бетан тоже заверили его, что всё будет в полном порядке. А Бетан сказала, что провести несколько дней без родителей даже забавно.

— Да, но подумайте о Малыше, — сказал папа.

Бетан неясно похлопала Малыша по светлой макушке.

— Я буду ему родной матерью, — заявила она.

Но папа этому не очень поверил, да и Малыш тоже.

— Тебя вечно нет дома, ты всё бегаешь со своими мальчишками, — пробормотал он.

Боссе попытался его утешить:

— Зато у тебя есть я.

— Ну да, только ты всегда торчишь на стадионе в Остермальме, там ты у меня есть, — уточнил Малыш.

Боссе расхохотался:

— Итак, остаётся одна домомучительница. Она не бегает с мальчишками и не торчит на стадионе.

— Да, к сожалению, — сказал Малыш.

Малыш хотел было объяснить, какого он мнения о фрёкен Бок. Но тут он вдруг обнаружил, что, оказывается, он на неё уже не сердится. Малыш даже сам изумился: ну ни капельки не сердится! Как это случилось? Выходит, достаточно просидеть с человеком взаперти часа два, и ты готов с ним примириться. Не то чтобы он вдруг полюбил фрёкен Бок — о, нет! — но он всё же стал относиться к ней гораздо добрее. Бедняжка, ей приходится жить с этой Фридой! Уж кто-кто, а Малыш хорошо знает, что значит иметь сестру с тяжёлым характером. А ведь Бетан ещё не хвастается, как эта Фрида, что выступала по телевидению.

— Я не хотел бы, чтобы вы ночью были одни, — сказал папа. — Придётся спросить фрёкен Бок, не согласится ли она ночевать здесь, пока меня не будет.

— Теперь мне мучиться с ней не только днём, но и ночью, — сокрушённо заметил Малыш. Но в глубине души он чувствовал, что всё же лучше, если кто-нибудь будет жить с ними, пусть даже домомучительница.

Фрёкен Бок с радостью согласилась пожить с детьми. Когда они остались вдвоём с Малышом, она объяснила ему, почему она это сделала так охотно.

— Понимаешь, ночью привидений бывает больше всего, и я смогу собрать у вас такой материал для телевизионной передачи, что Фрида упадёт со стула, когда увидит меня на экране!

Малыш был всем этим очень встревожен. Его мучила мысль, что фрёкен Бок в отсутствие папы приведёт в дом массу людей с телевидения и что кто-нибудь из них пронюхает про Карлсона и — ой, подумать страшно! — сделает о нём передачу, потому что ведь никаких привидений в доме нет. И тогда придёт конец их мирной жизни, которой мама и папа так дорожат. Малыш понимал, что он должен предостеречь Карлсона и попросить его быть поосторожнее.

Однако ему удалось это сделать только назавтра вечером. Он был дома один. Папа уже улетел в Лондон, Боссе и Бетан ушли каждый по своим делам, а фрёкен Бок отправилась к себе домой, на Фрэйгатен, узнать у Фриды, посещали ли её новые привидения.

— Я скоро вернусь, — сказала она, уходя, Малышу. — А если в моё отсутствие появятся привидения, попроси их меня подождать, да не забудь предложить им сесть, ха-ха-ха!

Фрёкен Бок теперь почти не сердилась, она всё время смеялась.

Правда, иногда она всё же ругала Малыша, но он был ей благодарен уже за то, что это случалось лишь изредка. Она и на этот раз ушла в приподнятом настроении. Малыш долго ещё слышал её шаги на лестнице — от них стены дрожали.

Вскоре в окно влетел Карлсон.

— Привет, Малыш! Что мы сегодня будем делать? — спросил он. — Нет ли у тебя паровой машины, чтобы её взорвать, или домомучительницы, чтобы её низводить? Мне всё равно, что делать, но я хочу позабавиться, а то я не играю!

— Мы можем посмотреть телевизор, — предложил Малыш.

Представьте себе, Карлсон просто понятия не имел, что такое телевидение! Он в жизни не видел телевизора! Малыш повёл его в столовую и с гордостью показал их новый, прекрасный телевизор.

— Погляди!

— Это что ещё за коробка? — спросил Карлсон.

— Это не коробка, это телевизор, — объяснил Малыш.

— А что сюда кладут? Плюшки?

Малыш расхохотался.

— Подожди, сейчас увидишь, что это такое.

Он включил аппарат, и тут же на стеклянном экране появился дяденька, который рассказывал, какая погода в Нурланде.

Глаза Карлсона стали круглыми от удивления.

— Как это вы умудрились его засунуть в этот ящик?

Малыш давился от смеха.

— Тебя это удивляет? Он залез сюда, когда был ещё маленький, понимаешь?

— А на что он вам нужен? — не унимался Карлсон.

— Ах, ты не понимаешь, что я шучу! Конечно, он не залезал сюда, когда был маленьким, и нам он ни на что не нужен. Просто он появляется здесь и рассказывает, какая завтра будет погода. Он, как старик-лесовик, всё знает, ясно?

Карлсон захихикал.

— Вы запихали вот этого дяденьку в ящик только для того, чтобы он вам рассказывал, какая завтра будет погода... С тем же успехом вы можете и меня спросить!.. Будет гром, и дождь, и град, и буря, и землетрясение — теперь ты доволен?

— Вдоль побережья Нурланда завтра ожидается буря с дождём, — сказал «лесовик» в телевизоре.

Карлсон захохотал ещё пуще прежнего.

— Ну вот, и я говорю... буря с дождём.

Он подошёл вплотную к телевизору и прижался носом к носу «старика-лесовика».

— Не забудь сказать про землетрясение! Бедные нурландцы, ну и погоду он им пророчит, не позавидуешь! Но, с другой стороны, пусть радуются, что у них будет хоть какая-нибудь. Подумай, что было бы, если бы им пришлось обходиться вообще без погоды. — Он дружески похлопал дяденьку на экране. — Какой миленький старичок! — сказал он. — Да он меньше меня. Он мне нравится.

Потом Карлсон опустил на колени и осмотрел низ телевизора:

— А как же он всё-таки сюда попал?

Малыш попытался объяснить, что это не живой человек, а только изображение, но Карлсон даже рассердился:

— Ты меня не учи, балда! Не глупей тебя! Сам понимаю, это такой особый человечек. Да и с чего обычные люди стали бы говорить, какая будет погода в Нурланде?

Малыш мало что знал о телевидении, но он всё же очень старался объяснить Карлсону, что это такое. А кроме того, он хотел предостеречь Карлсона от грозящей ему опасности.

— Ты и представить себе не можешь, до чего фрёкен Бок хочет попасть в телевизор, — начал он.

Но Карлсон прервал его новым взрывом хохота:

— Домомучительница хочет залезть в такую маленькую коробочку?! Такая громадина! Да её пришлось бы сложить вчетверо!

Малыш вздохнул. Карлсон явно ничего не понял. Малыш начал объяснять всё сначала. Особым успехом эта попытка не увенчалась, но в конце концов ему всё же удалось втолковать Карлсону, как удивительно действует эта штуковина.

— Чтобы попасть в телевизор, фрёкен Бок вовсе не надо самой лезть в ящик, она может преспокойно сидеть себе в нескольких милях от него, и всё же она будет видна на экране как живая, — объяснил Малыш.

— Домомучительница... как живая... вот ужас! — воскликнул Карлсон. — Лучше разбей этот ящик либо сменяй его на другой, полный плюшек, они нам пригодятся.

Как раз в этот момент на экране появилось личико хорошенькой дикторши. Она так приветливо улыбалась, что Карлсон широко открыл глаза.

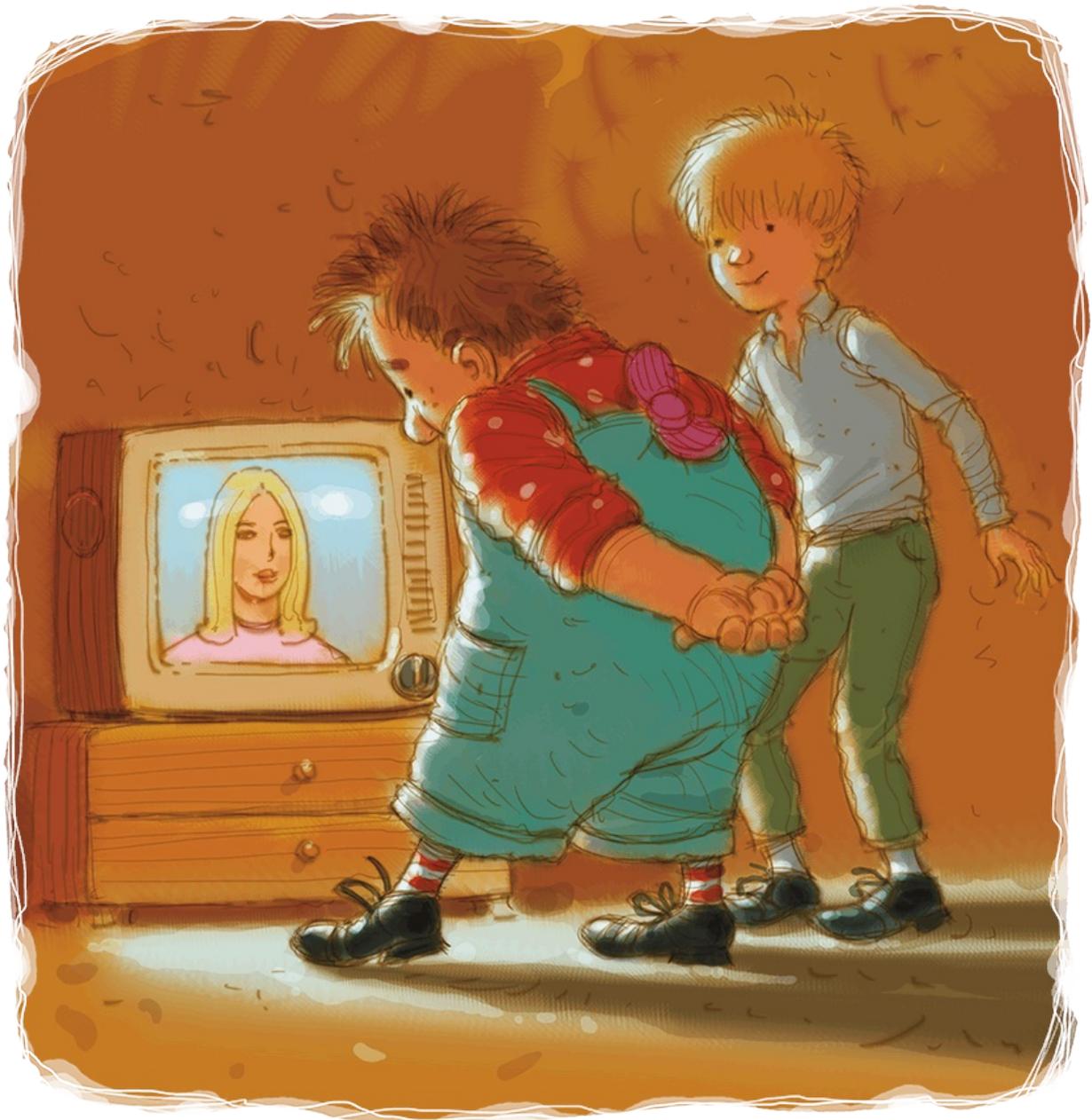
— Пожалуй, надо ещё подумать, — сказал он. — Во всяком случае, уж если менять, то только на очень свежие плюшки. Потому что я вижу, этот

ящик ценней, чем сперва кажется.

Дикторша продолжала улыбаться Карлсону, и он улыбался ей в ответ. Потом он оттолкнул Малыша в сторону:

— Погляди только на неё! Я ей нравлюсь, да-да, она ведь видит, что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил.

Вдруг дикторша исчезла. Вместо неё на экране возникли два серьёзных полных господина, которые всё болтали и болтали. Карлсону это пришлось не по душе. Он начал нажимать на все кнопки и вертеть все ручки.

— Не крути, этого нельзя делать, — сказал Малыш.

— Как так — нельзя? Я хочу выкрутить обратно ту милую девушку, — сказал Карлсон.

Он крутил ручки во все стороны, но дикторша не появлялась. Добился он только того, что полные господа стали на глазах ещё больше полнеть, ноги у них сделались короткими-прекороткими, а лбы нелепо вытянулись. Эти изменения очень развеселили Карлсона — он довольно долго забавлялся такой игрой с телевизором.

— Старики во всём слушаются моей команды, — сказал он с довольным видом.

А господа на экране, меняя облик, продолжали без умолку болтать, пока Карлсон им не помешал.

— Я лично считаю... — начал один из них.

— А какое мне дело, что ты считаешь? — перебил его Карлсон. — Отправляйся-ка лучше домой и ложись спать!

Он с треском выключил аппарат и радостно засмеялся.

— Вот он, наверно, разозлился! Так я и не дал ему сказать, что он лично считает!

Телевизор явно надоел Карлсону, он уже жаждал новых развлечений.

— Где домомучительница? Позови её, я её разыграю.

— Разыграешь... это как? — с тревогой спросил Малыш.

— Существуют три способа укрощать домомучительниц, — объяснил Карлсон. — Их можно низводить, дразнить и разыгрывать. Собственно говоря, всё это одно и то же, но разыгрывать — самый прямой путь борьбы с ними.

Малыш встревожился ещё больше. Если Карлсон вступит в прямую борьбу с фрёкен Бок, она его непременно увидит, а именно этого не должно случиться. Пока папа и мама в отъезде, Малыш, как бы ему ни было трудно, обязан помешать этой встрече. Надо как-то напугать Карлсона, чтобы он сам старался не попадаться на глаза фрёкен Бок. Малыш подумал, а потом сказал не без лукавства:

— Карлсон, ты, видно, хочешь попасть в телевизор?

Карлсон энергично замотал головой.

— В этот вот ящик? Я? Ни за что на свете! Пока буду в силах защищаться, меня туда не затащат. — Но он тут же задумался и добавил: — Хотя, может быть... Если я там оказался бы рядом с этой милой девчонкой...

Малыш стал уверять его, что на это надеяться нечего. Напротив, если

он попадёт в телевизор, то не иначе как с домохозяйкой.

Карлсон вздрогнул.

— Домохозяйка и я в такой маленькой коробке?.. Ой, ой! Вот тут-то и произойдёт землетрясение в Нурланде! Как только тебе в голову взбрела такая дурацкая мысль?

Тогда Малыш рассказал ему о намерениях фрёкен Бок сделать для телевидения передачу о привидениях, да ещё такую, чтобы Фрида со стула упала.

— Разве домохозяйка видела у вас привидения? — удивился Карлсон.

— Нет, видеть не видела, — сказал Малыш, — но слышала, как оно мычало перед окном. Понимаешь, она решила, что ты — привидение.

И Малыш стал объяснять, какая связь между Фридой, домохозяйкой и Карлсоном, но он жестоко ошибся в своих расчётах.

Карлсон опустился на колени и немножко повыл от удовольствия, а кончив выть, хлопнул Малыша по спине:

— Береги домохозяйку! Она самая ценная мебель в вашем доме. Береги как зеницу ока! Потому что теперь мы и в самом деле сумеем позабавиться.

— А как? — с испугом спросил Малыш.

— О! — вопил Карлсон. — Не одна только Фрида упадёт со стула. Все телевизионные старики и вообще всё на свете бледнеет перед тем, что вы увидите!

Малыш встревожился ещё больше.

— Что же мы увидим?

— Маленькое привидение из Вазастана! — провозгласил Карлсон и загорланил: — Гоп, гоп, ура!

И тут Малыш сдался. Он предостерег Карлсона, он честно пытался поступить так, как хотели папа и мама. Но теперь пусть будет так, как хочет Карлсон. Всё равно в конце концов всегда всё получается по его. Пусть Карлсон выкидывает любые штуки, изображает привидение и разыгрывает фрёкен Бок сколько ему будет угодно. Малыш больше не собирается его останавливать. А приняв это решение, он подумал, что они и в самом деле смогут позабавиться на славу. Он вспомнил, как однажды Карлсон уже изображал привидение и прогнал воров, которые хотели украсть мамины деньги на хозяйство и всё столовое серебро. Карлсон тоже не забыл этого случая.

— Помнишь, как нам тогда было весело? — спросил он. — Да, кстати, где же мой привиденческий костюм?

Малышу пришлось сказать, что его взяла мама. Она очень сердилась тогда из-за испорченной простыни. Но потом она поставила заплатки и снова превратила привиденческий костюм в простыню.

Карлсон фыркнул от возмущения:

— Меня просто бесит эта любовь к порядку! В вашем доме ничего нельзя оставить. — Он сел на стул и надулся. — Нет, так дело не пойдёт, так я не играю. Можешь сам стать привидением, если хочешь.

Но он тут же вскочил со стула, подбежал к бельевому шкафу и распахнул дверцы:

— Здесь наверняка найдётся ещё какая-нибудь простынка.

И он вытащил было одну из лучших маминых льняных простыней, но Малыш остановил его:

— О нет, эту не надо! Положи её... Вот тут есть и старые, чиненые.

Карлсон скорчил недовольную мину:

— Старые, чиненые простыни! Я думал, маленькое привидение из Вазастана должно щеголять в нарядных воскресных одеждах. Впрочем... раз уж у вас такой дом... давай сюда эти лохмотья.

Малыш вынул две старенькие простыни и дал их Карлсону:

— Если ты их сошьёшь, то вполне может получиться одежда для привидения.

Карлсон угрюмо стоял с простынями в руках.

— Если я их сошью? Ты хочешь сказать, если ты их сошьёшь... Давай полетим ко мне, чтобы домомучительница не застала нас врасплох!

Около часа Малыш сидел у Карлсона и шил костюм для привидения. В школе на уроках труда он научился шить разными стежками, но никто никогда не учил его, как из двух стареньких простыней сшить приличный костюм для привидения. Это ему пришлось продумать самому.

Он, правда, попытался было обратиться за помощью к Карлсону.

— Ты бы хоть скроил, — попросил Малыш.

Но Карлсон покачал головой.

— Уж если что кроить, то я охотнее всего раскроил бы твою маму! Да, да! Зачем это ей понадобилось загубить мой привиденческий костюм? Теперь ты должен сшить мне новый. Это только справедливо. Ну, живей за дело и, пожалуйста, не ной!

Для пущей убедительности Карлсон добавил, что ему и некогда шить, потому что он намерен срочно нарисовать картину.

— Всегда надо всё бросать, если тебя посетило вдохновение, понимаешь, а меня оно сейчас посетило. «Ла, ла, ла», — поёт что-то во

мне, и я знаю, что это вдохновение.

Малыш не знал, что это за штука такая — вдохновение. Но Карлсон объяснил ему, что вдохновение охватывает всех художников, и тогда им хочется только рисовать, рисовать и рисовать, вместо того чтобы шить одежды для привидения.

И Малышу ничего не оставалось, как сесть на верстак, согнув спину и поджав ноги, словно заправский портной, и шить, в то время как Карлсон, забившись в угол, рисовал свою картину.

Уже совсем стемнело, но в комнате Карлсона было светло, тепло и

уютно — горела керосиновая лампа, а в камине пылал огонь.

— Надеюсь, ты в школе не ленился на уроках труда, — сказал Карлсон. — Потому что я хочу получить красивый костюм для привидения. Учти это. Вокруг шеи можно бы сделать небольшой воротничок или даже оборки.

Мальш ничего не ответил. Он усердно шил, огонь в камине потрескивал, а Карлсон рисовал.

— А что ты, собственно говоря, рисуешь? — спросил Мальш, нарушая воцарившуюся тишину.

— Увидишь, когда всё будет готово, — ответил Карлсон.

Наконец Мальш смастерил какую-то одежду.

«Пожалуй, для привидения сойдёт», — подумал он. Карлсон померил и остался очень доволен. Он сделал несколько кругов по комнате, чтобы Мальш мог как следует оценить его костюм.

Мальш содрогнулся. Ему показалось, что Карлсон выглядит на редкость таинственно — совсем по-привиденчески.

Бедная фрёкен Бок, она увидит такое привидение, которое хоть кого испугает!

— Домомучительница может тут же посылать за дяденьками из телевизора, — заявил Карлсон. — Потому что сейчас внизу появится малютка привидение из Вазастана — моторизованное, дикое, прекрасное и ужасно, ужасно опасное.

Карлсон снова облетел комнату и даже закудаhtал от удовольствия. О своей картине он и думать забыл. Мальш подошёл к камину поглядеть, что же Карлсон нарисовал. Внизу было написано неровными буквами: «Портрет моего кролика». Но Карлсон нарисовал маленького красного зверька, скорее напоминающего лисицу.

— Разве это не лисица? — спросил Мальш.

Карлсон спланировал на пол и стал рядом с ним. Склонив голову набок, любовался он своей картиной.

— Да, конечно, это лисица. Без всякого сомнения это лисица, да к тому же сделанная лучшим в мире рисовальщиком лисиц.

— Да, но... Ведь здесь написано: «Портрет моего кролика»... Так где ж он, этот кролик?

— Она его съела, — сказал Карлсон.

Звонок Карлсона

Звонок Карлсона

На следующее утро Боссе и Бетан проснулись с какой-то странной сыпью по всему телу.

— Скарлатина, — сказала фрёкен Бок.

То же самое сказал доктор, которого она вызвала.

— Скарлатина! Их надо немедленно отправить в больницу!

Потом доктор показал на Малыша:

— А его придётся пока изолировать.

Услышав это, Малыш заплакал. Он вовсе не хотел, чтобы его изолировали. Правда, он не знал, что это такое, но самое слово звучало отвратительно.

— Балда, — сказал Боссе, — ведь это значит только, что ты пока не будешь ходить в школу и встречаться с другими детьми. Чтобы никого не заразить, понятно?

Бетан лежала и тоже плакала.

— Бедный Малыш, — сказала она, глотая слёзы. — Как тебе будет тоскливо! Может, позвонить маме?

Но фрёкен Бок и слушать об этом не хотела.

— Ни в коем случае, — заявила она. — Фру Свантесон нуждается в покое и отдыхе. Не забывайте, что она тоже больна. Уж как-нибудь я с ним

сама справлюсь.

При этом она кивнула зарёванному Малышу, который стоял у кровати Бетан.

Но толком поговорить они так и не успели, потому что приехала машина «скорой помощи». Малыш плакал. Конечно, он иногда сердился на брата и сестру, но ведь он их так любил! И ему было очень грустно оттого, что Боссе и Бетан увозят в больницу.

— Привет, Малыш, — сказал Боссе, когда санитары понесли его вниз.

— До свиданья, дорогой братик, не горюй! Ведь мы скоро вернёмся, — сказала Бетан.

Малыш разрыдался.

— Ты только так говоришь! А вдруг вы умрёте?

Фрёкен Бок накинулась на него. Как можно быть таким глупым! Да разве от скарлатины умирают!

Когда «скорая помощь» уехала, Малыш пошёл к себе в комнату. Ведь там был Бимбо. И Малыш взял щенка на руки.

— Теперь у меня остался только ты, — сказал Малыш и крепко прижал Бимбо к себе. — Ну, и конечно, Карлсон.

Бимбо прекрасно понял, что Малыш чем-то огорчён. Он лизнул его в нос, словно хотел сказать: «Да, я у тебя есть. Это точно. И Карлсон тоже!»

Малыш сидел и думал о том, как чудесно, что у него есть Бимбо. И всё же он так скучал по маме. И тут он вспомнил, что обещал ей написать письмо. И решил, не откладывая, сразу же за это взяться.

Дорогая мама, — начал он. — Похоже, что нашей семье пришёл конец Боссе и Бетан больны какой-то тинной и их увезли в больницу а меня езолировали это совсем не болно но я конечно заболею этой тинной а папа в Лондоне жив ли он теперь не знаю хотя пока не слышно что он заболел но наверно болен раз все наши больны я скучаю по тебе как ты себя чувствуешь ты очень больна или не очень разговаривать я могу толко с Карлсоном но я стараюс говорить поменьше потому что ты будеш волноваться а тебе надо покой говорит домомучительница она не болна и Карлсон тоже но и они скоро заболелют
прощай мамочка будь здорова.

— Подробно я писать не буду, — объяснил Малыш Бимбо, — потому что не хочу её пугать.

Он подошёл к окну и позвонил Карлсону. Да, да, он в самом деле позвонил. Дело в том, что накануне вечером Карлсон сделал одну очень замысловатую штуку: он провёл звонок между своим домиком на крыше и комнатой Малыша.

— Привидение не должно появляться с бухты-барахты, — сказал Карлсон. — Но теперь Карлсон подарил тебе лучший в мире звонок, и ты всегда сможешь позвонить и заказать привидение как раз в тот момент, когда домомучительница сидит в засаде и высматривает, не видно ли в темноте чего-нибудь ужасного. Вроде меня, например.

Звонок был устроен таким образом: под карнизом своего домика Карлсон прибил колокольчик — из тех, что подвязывают коровам, — а шнур от него протянул к окну Малыша.

— Ты дёргаешь за шнур, — объяснил Карлсон, — у меня наверху

звякает колокольчик, и тут же к вам прилетает малютка привидение из Вазастана, и домомучительница падает в обморок. Здорово, да?

Конечно, это было здорово, Малыш тоже так думал. И не только из-за игры в привидение. Раньше ему подолгу приходилось ждать, пока не появится Карлсон. А теперь достаточно было дёрнуть за шнурок, и он тут как тут.

И вдруг Малыш почувствовал, что ему во что бы то ни стало надо поговорить с Карлсоном. Он дёрнул за шнурок раз, другой, третий... С крыши донеслось звяканье колокольчика. Вскоре послышалось жужжание моторчика, и Карлсон влетел в окно. Видно было, что он не выспался и что настроение у него прескверное.

— Ты, наверно, думаешь, что это не колокольчик, а будильник? — проворчал он.

— Прости, — сказал Малыш, — я не знал, что ты спишь.

— Вот и узнал бы прежде, чем будить. Сам небось дрыхнешь, как сурок, и не можешь понять таких, как я, которым за ночь ни на минуту не удаётся сомкнуть глаз. И когда человек наконец хоть ненадолго забывается сном, он вправе ожидать, что друг будет оберегать его покой, а не трезвонить почём зря, словно пожарная машина...

— Разве ты плохо спишь? — спросил Малыш.

Карлсон угрюмо кивнул:

— Представь себе, да.

«Как это печально», — подумал Малыш и сказал:

— Мне так жаль... У тебя в самом деле так плохо со сном?

— Хуже быть не может, — ответил Карлсон. — Собственно говоря, ночью я сплю беспробудно и перед обедом тоже, а вот после обеда дело обстоит из рук вон плохо, лежу с открытыми глазами и ворочаюсь с боку на бок.

Карлсон умолк, бессонница, видно, его доконала, но мгновение спустя он с живым интересом принялся оглядывать комнату.

— Правда, если бы я получил небольшой подарочек, то, может, перестал бы огорчаться, что ты меня разбудил.

Малыш не хотел, чтобы Карлсон сердился, и стал искать, что бы ему подарить.

— Вот губная гармошка. Может, хочешь её?

Карлсон схватил гармошку:

— Я всегда мечтал о музыкальном инструменте, спасибо тебе за этот подарок... Ведь контрабаса у тебя, наверно, всё равно нет?

Он приложил гармошку к губам, издал несколько ужасающих трелей и

посмотрел на Мальша сияющими глазами:

— Слышишь? Я сейчас сочиню песню под названием «Плач малютки привидения».

Мальш подумал, что для дома, где все больны, подходит печальная мелодия, и рассказал Карлсону про скарлатину.

Но Карлсон возразил, что скарлатина — дело житейское и беспокоиться здесь ровным счётом не о чем. Да и к тому же очень удачно, что болезнь отправила Боссе и Бетан в больницу именно в тот день, когда в доме появится привидение.

Едва он успел всё это сказать, как Мальш вздрогнул от испуга, потому что услышал за дверью шаги фрёкен Бок. Было ясно, что домомучительница вот-вот окажется в его комнате. Карлсон тоже понял, что надо срочно действовать. Недолго думая он плюхнулся на пол и, словно колобок, покатился под кровать. Мальш в тот же миг сел на кровать и набросил на колени своё купальное полотенце, так что его края, спадая на пол, с грехом пополам скрывали Карлсона.

Тут дверь открылась, и в комнату вошла фрёкен Бок с половой щёткой и совком в руках.

— Я хочу убрать твою комнату, — сказала она. — Пойди-ка пока на кухню.

Мальш так разволновался, что стал пунцовым.

— Не пойду, — заявил он. — Меня ведь изолировали, вот я и буду здесь сидеть.

Фрёкен Бок посмотрела на Мальша с раздражением.

— Погляди, что у тебя делается под кроватью, — сказала она.

Мальш разом вспотел... Неужели она уже обнаружила Карлсона?

— Ничего у меня под кроватью нет... — пробормотал он.

— Ошибаешься, — оборвала его фрёкен Бок. — Там скопились целые горы пыли. Дай мне подмести. Марш отсюда!

Но Мальш упёрся:

— А я всё равно буду сидеть на кровати, раз меня изолировали!

Ворча, фрёкен Бок начала подметать другой конец комнаты.

— Сиди себе на кровати сколько влезет, пока я не дойду до неё, но потом тебе придётся убраться отсюда и изолировать себя где-нибудь ещё, упрямый мальчишка!

Мальш грыз ногти и ломал себе голову: что же делать? Но вдруг он заёрзал на месте и захихикал, потому что Карлсон стал его щекотать под коленками, а он так боялся щекотки.

Фрёкен Бок вытаращила глаза.

— Так-так, смейся, бесстыдник! Мать, брат и сестра тяжело больны, а ему всё нипочём. Правду люди говорят: с глаз долой — из сердца вон!

А Карлсон щекотал Малыша всё сильнее, и Малыш так хохотал, что даже повалился на кровать.

— Нельзя ли узнать, что тебя так рассмешило? — хмуро спросила фрёкен Бок.

— Ха-ха-ха... — Малыш едва мог слово вымолвить. — Я вспомнил одну смешную штуку.

Он весь напрягся, сиюсь вспомнить хоть что-нибудь смешное.

— ...Однажды бык гнался за лошадью, а лошадь так перепугалась, что со страху залезла на дерево... Вы не знаете этого рассказа, фрёкен Бок?

Боссе часто рассказывал эту историю, но Малыш никогда не смеялся, потому что ему всегда было очень жалко бедную лошадь, которой пришлось лезть на дерево.

Фрёкен Бок тоже не смеялась.

— Не заговаривай мне зубы! Дурацкие рассказы! Виданное ли дело, чтобы лошади лазили по деревьям?

— Конечно, они не умеют, — согласился Малыш, повторяя слово в слово то, что говорил Боссе. — Но ведь за ней гнался разъярённый бык, так что же, чёрт возьми, ей оставалось делать?

Боссе утверждал, что слово «чёрт» можно произнести, раз оно есть в рассказе. Но фрёкен Бок так не считала. Она с отвращением посмотрела на Малыша:

— Расселся тут, хохочет, сквернословит, в то время как мать, сестра и брат лежат больные и мучаются. Диву даёшься, что за...

Малыш так и не узнал, чему она диву даётся, потому что в этот миг раздалась песня «Плач малютки привидения» — всего лишь несколько резких трелей, которые зазвучали из-под кровати, но и этого было достаточно, чтобы фрёкен Бок подскочила на месте.

— Боже праведный, что это такое?

— Не знаю, — сказал Малыш.

Зато фрёкен Бок знала!

— Это звуки потустороннего мира. Ясно как божий день.

— А что это значит «потустороннего мира»? — спросил Малыш.

— Мира привидений, — сказала фрёкен Бок. — В этой комнате находимся только мы с тобой, но никто из нас не мог бы издать такие странные звуки. Это звуки не человеческие, это звуки привидений. Разве ты не слышал?.. Это вопли души, не нашедшей покоя.

Она поглядела на Малыша широко раскрытыми от ужаса глазами.
— Боже праведный, теперь я просто обязана написать в телевидение.
Фрёкен Бок отшвырнула щётку и совок, села за письменный стол Малыша, взяла бумагу, ручку и принялась писать.

Писала она долго и упорно.

— Послушай-ка, что я написала, — сказала она, закончив письмо. — «Шведскому радио и телевидению. Моя сестра Фрида Бок выступала в вашем цикле передач о духах и привидениях. Не думаю, чтобы эта передача была хорошей, потому что Фриде чудится всё, что ей хочется. Но, к счастью, всё всегда можно исправить, и эту передачу тоже. Потому что теперь я сама живу в доме, битком набитом привидениями. Вот список моих встреч с духами:

1. Из нашего кухонного окна раздалось странное мычание, которое не могла издать корова, поскольку мы живём на четвёртом этаже. Значит, этот звук был просто похож на мычание.

2. Таинственным образом исчезают из-под самого носа разные вещи, как-то: сдобные плюшки и маленькие, запертые на замок мальчики.

3. Дверь оказывается запертой снаружи, в то время как я нахожусь в комнате, — ума не приложу, как это происходит!

4. На кухонной стене таинственным образом появляются надписи.

5. Неожиданно раздаются какие-то душе-раздирающие звуки, от которых хочется пла-кать.

Приезжайте сюда не откладывая, может получиться такая передача, что все о ней будут говорить.

С глубоким уважением
Хильдур Бок.

И как это только вам могла прийти мысль пригласить Фриду выступать по телевидению?»

Фрёкен Бок, исполненная рвения, тут же побежала отправить письмо. Малыш заглянул под кровать, чтобы выяснить, что же делает Карлсон. Он преспокойно лежал там, и глаза его сияли. Он выполз, весёлый и довольный.

— Ого-го! — завопил он. — Дождёмся вечера. Когда стемнеет, у домохозяйницы и в самом деле появится материалчик для письма на телевидение.

Малыш снова начал смеяться и нежно посмотрел на Карлсона.

— Оказывается, быть изолированным очень весело, если изолирован вместе с тобой, — сказал Малыш.

Тут он вспомнил о Кристере и Гунилле. Собственно говоря, он должен был бы огорчиться, что некоторое время не сможет с ними играть, как обычно.

«Не важно, — подумал Малыш. — Играть с Карлсоном всё равно веселей».

Но Карлсон тут заявил, что больше играть ему некогда. Он сказал, что ему надо срочно лететь домой приделать к моторчику глушитель.

— Нельзя, чтобы привидение из Вазастана прилетело, громяхая как железная бочка. Понимаешь? Привидение должно появиться беззвучно и таинственно, как и положено привидению. Тогда у домомучительницы волосы встанут дыбом.

Потом Карлсон и Малыш договорились о тайной системе сигналов, которые будут передаваться с помощью звонков.

— Один звонок — это «Немедленно прилетай!», два звонка — «Ни в коем случае не прилетай!», а три звонка значит — «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человек, как ты, лучший в мире Карлсон!».

— А зачем мне для этого звонить? — удивился Малыш.

— А затем, что друзьям надо говорить приятные и ободряющие вещи примерно каждые пять минут, а ты сам понимаешь, что я не могу прилетать

к тебе так часто.

Малыш задумчиво поглядел на Карлсона:

— Я ведь тоже твой друг, да? Но я не помню, чтобы ты говорил мне что-нибудь в этом роде.

Карлсон рассмеялся:

— Как ты можешь сравнивать? Да кто ты есть? Ты всего-навсего глупый мальчишка, и всё...

Малыш молчал. Он знал, что Карлсон прав.

— Но ты всё-таки любишь меня?

— Конечно, люблю, честное слово! — воскликнул Карлсон. — Сам не знаю, за что, хотя и ломал голову над этим, когда лежал после обеда и мучился бессонницей. — Он потрепал Малыша по щеке. — Конечно, я тебя люблю, и даже догадываюсь почему. Потому, что ты так не похож на меня, бедный мальчуган!

Он вылетел в окно и на прощание помахал Малышу.

— А если ты опять начнёшь трезвонить, как пожарная машина, — крикнул он, — то это будет означать, что либо и в самом деле пожар, либо: «Я тебя снова разбудил, дорогой Карлсон, лети скорее ко мне да прихвати с собой мешок побольше, чтобы положить в него мои игрушки... Я тебе их дарю!»

На этом Карлсон улетел.

А Бимбо лёг на пол перед Малышом и принялся энергично стучать хвостом по ковру. Щенок так делал всегда, когда хотел показать, что он чему-то очень рад и просит уделить ему немного внимания. Малыш улёгся на пол рядом с ним. Тогда Бимбо вскочил и даже затыкал от удовольствия. Потом он уткнулся в плечо Малыша и закрыл глаза.

— Ты радуешься, что меня изолировали, что я не хожу в школу, а сижу дома? — спросил Малыш. — Ты, Бимбо, наверно, думаешь, что я самый лучший в мире...

Малютка привидение из Вазастана

Малютка привидение из Вазастана

День для Малыша тянулся бесконечно долго, он провёл его совсем один и никак не мог дождаться вечера.

«Похоже на сочельник», — подумал он.

Он играл с Бимбо, возился с марками и даже немного позанимался арифметикой, чтобы не отстать от ребят в классе. А когда Кристер должен был, по его расчётам, вернуться из школы, он позвонил ему по телефону и рассказал о скарлатине.

— Я не могу ходить в школу, потому что меня изолировали, понимаешь?

Это звучало очень заманчиво — так считал сам Малыш, и Кристер, видно, тоже так считал, потому что он даже не сразу нашёлся что ответить.

— Расскажи это Гунилле, — добавил Малыш.

— А тебе не скучно? — спросил Кристер, когда к нему вернулся дар речи.

— Ну что ты! У меня ведь есть... — начал Малыш, но тут же осёкся.

Он хотел было сказать: «Карлсон», но не сделал этого из-за папы. Правда, прошлой весной Кристер и Гунилла несколько раз видели Карлсона, но это было до того, как папа сказал, что о нём нельзя говорить ни с кем на свете.

«Может быть, Кристер и Гунилла давно о нём забыли, вот бы

хорошо! — думал Малыш. — Тогда он стал бы моим личным тайным Карлсоном». И Малыш поторопился попрощаться с Кристером.

— Привет, мне сейчас некогда с тобой разговаривать, — сказал он.

Обедать вдвоём с фрёкен Бок было совсем скучно, но зато она приготовила очень вкусные тефтели. Малыш уплетал за двоих. На сладкое он получил яблочную запеканку с ванильным соусом. И он подумал, что фрёкен Бок, может быть, не так уж плоха.

«Лучшее, что есть в домомучительнице, — это яблочная запеканка, а лучшее в яблочной запеканке — это ванильный соус, а лучшее в ванильном соусе — это то, что я его ем», — думал Малыш.

И всё же это был невесёлый обед, потому что столько мест за столом пустовало. Малыш скучал по маме, по папе, по Боссе и по Бетан — по всем вместе и по каждому отдельно. Нет, обед был совсем невесёлый, к тому же фрёкен Бок без умолку болтала о Фриде, которая уже успела изрядно надоесть Малышу.

Но вот наступил вечер. Была ведь осень, и темнело рано. Малыш стоял у окна своей комнаты, бледный от волнения, и глядел на звёзды, мерцавшие над крышами. Он ждал. Это было хуже, чем сочельник. В сочельник тоже устаёшь ждать, но разве это может сравниться с ожиданием прилёта маленького привидения из Вазастана!.. Куда там! Малыш в нетерпении грыз ногти. Он знал, что там, наверху, Карлсон тоже ждёт. Фрёкен Бок уже давно сидела на кухне, опустив ноги в таз с водой, — она всегда подолгу принимает ножные ванны. Но потом она придёт к Малышу пожелать ему спокойной ночи, это она обещала. Вот тут-то и надо подать сигнал. И тогда — о боже праведный, как всегда говорила фрёкен Бок, — о боже праведный, до чего же это было захватывающе!

— Если её ещё долго не будет, я лопну от нетерпения, — пробормотал Малыш.

Но вот она появилась. Прежде всего Малыш увидел в дверях её большие, чисто вымытые босые ноги. Малыш затрепетал, как пойманная рыбка, так он испугался, хотя ждал её и знал, что она сейчас придёт.

Фрёкен Бок мрачно поглядела на него.

— Почему ты стоишь в пижаме у открытого окна? Немедленно марш в постель!

— Я... я глядел на звёзды, — пробормотал Малыш. — А вы, фрёкен Бок, не хотите на них взглянуть?

Это он так схитрил, чтобы заставить её подойти к окну, а сам тут же незаметно сунул руку под занавеску, за которой был спрятан шнур, и дёрнул его изо всех сил. Он услышал, как на крыше зазвенел колокольчик.

Фрёкен Бок это тоже услышала.

— Где-то там, наверху, звенит колокольчик, — сказала она. — Как странно!

— Да, странно! — согласился Малыш.

Но тут у него прямо дух захватило, потому что от крыши вдруг отделилось и медленно полетело по тёмному небу небольшое, белое, круглое привидение. Его полёт сопровождался тихой и печальной музыкой. Да, ошибки быть не могло, заунывные звуки «Плач малютки привидения» огласили тёмную, осеннюю ночь.

— Вот... О, гляди, гляди... Боже праведный! — воскликнула фрёкен Бок.

Она побелела как полотно, ноги у неё подогнулись, и она плюхнулась на стул. А ещё уверяла, что не боится привидений!

Малыш попытался её успокоить.

— Да, теперь я тоже начинаю верить в привидения, — сказал он. — Но ведь это такое маленькое, оно не может быть опасным!

Однако фрёкен Бок не слушала Малыша. Её обезумевший взгляд был прикован к окну — она следила за причудливым полётом привидения.

— Уберите его! Уберите! — шептала она задыхаясь.

Но маленькое привидение из Вазастана нельзя было убрать. Оно

кружило в ночи, удалялось, вновь приближалось, то взмывая ввысь, то спускаясь пониже, и время от времени делало в воздухе небольшой кульбит. А печальные звуки не смолкали ни на мгновение.

«Маленькое белое привидение, тёмное звёздное небо, печальная музыка — до чего всё это красиво и интересно!» — думал Малыш.

Но фрёкен Бок так не считала. Она вцепилась в Малыша:

— Скорее в спальню, мы там спрячемся!

В квартире семьи Свантесон было пять комнат, кухня, ванная и передняя. У Боссе, у Бетан и у Малыша были свои комнатки, мама и папа спали в спальне, а кроме того, была столовая, где они собирались все вместе. Теперь, когда мама и папа были в отъезде, фрёкен Бок спала в их комнате. Окно её выходило в сад, а окно комнаты Малыша — на улицу.

— Пошли, — шептала фрёкен Бок, всё ещё задыхаясь, — пошли скорее, мы спрячемся в спальне.

Малыш сопротивлялся: нельзя же допустить, чтобы всё сорвалось теперь, после такого удачного начала! Но фрёкен Бок упрямо стояла на своём:

— Ну, живей, а то я сейчас упаду в обморок!

И как Малыш ни сопротивлялся, ему пришлось тащиться в спальню. Окно и там было открыто, но фрёкен Бок кинулась к нему и с грохотом его запахнула. Потом она опустила шторы, задёрнула занавески, а дверь попыталась забаррикадировать мебелью. Было ясно, что у неё пропала всякая охота иметь дело с привидением, а ведь ещё совсем недавно она ни о чём другом не мечтала.

Малыш никак не мог этого понять, он сел на папину кровать, поглядел на перепуганную фрёкен Бок и покачал головой.

— А Фрида, наверно, не такая трусиха, — сказал он наконец.

Но сейчас фрёкен Бок и слышать не хотела о Фриде. Она продолжала придвигать всю мебель к двери — за комодом последовали стол, стулья и этажерка. Перед столом образовалась уже настоящая баррикада.

— Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны, — сказала фрёкен Бок с удовлетворением.

Но тут из-под папиной кровати раздался глухой голос, в котором звучало ещё больше удовлетворения:

— Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны! Мы заперты на ночь.

И маленькое привидение стремительно, со свистом вылетело из-под кровати.

— Помогите! — завопила фрёкен Бок. — Помогите!

— Что случилось? — спросило привидение. — Мебель сами двигаете, да неужели помочь некому?

И привидение разразилось долгим глухим смехом. Но фрёкен Бок было не до смеха. Она кинулась к двери и стала расшвыривать мебель. В мгновение ока разобрав баррикаду, она с громким криком выбежала в переднюю.

Привидение полетело следом, а Малыш побежал за ним. Последним мчался Бимбо и залиvisto лаял. Он узнал привидение по запаху и думал, что началась весёлая игра. Привидение, впрочем, тоже так думало.

— Гей, гей! — кричало оно, летая вокруг головы фрёкен Бок и едва не касаясь её ушей.

Но потом оно немного поотстало, чтобы получилась настоящая погоня. Так они носились по всей квартире — впереди скакала фрёкен Бок, а за ней мчалось привидение: в кухню и из кухни, в столовую и из столовой, в комнату Малыша и из комнаты Малыша и снова в кухню, большую комнату, комнату Малыша и снова, и снова...

Фрёкен Бок всё время вопила так, что в конце концов привидение даже попыталось её успокоить:

— Ну, ну, ну, не реви! Теперь-то уж мы повеселимся всласть!

Но все эти утешения не возымели никакого действия. Фрёкен Бок продолжала голосить и метаться по кухне. А там всё ещё стоял на полу таз с водой, в котором она мыла ноги. Привидение преследовало её по пятам. «Гей, гей», — так и звенело в ушах; в конце концов фрёкен Бок споткнулась о таз и с грохотом упала. При этом она издала вопль, похожий на вой сирены, но тут привидение просто возмутилось:

— Как тебе только не стыдно! Орёшь как маленькая. Ты насмерть перепугала меня и соседей. Будь осторожней, не то сюда нагрянет полиция!

Весь пол был залит водой, а посреди огромной лужи барахталась фрёкен Бок. Не пытаясь даже встать на ноги, она удивительно быстро поползла из кухни.

Привидение не могло отказать себе в удовольствии сделать несколько прыжков в тазу — ведь там уже почти не было воды.

— Подумаешь, стены чуть-чуть забрызгали, — сказала привидение Малышу. — Все люди, как правило, спотыкаются о тазы, так чего же она воеет?

Привидение сделало последний прыжок и снова кинулось за фрёкен Бок. Но её что-то нигде не было видно. Зато на паркете в передней темнели отпечатки ступней.

— Домомучительница сбежала! — воскликнуло привидение. — Но вот её мокрые следы. Сейчас увидим, куда они ведут. Угадай, кто лучший в мире следопыт!

Следы вели в ванную комнату. Фрёкен Бок заперлась там, и в прихожую доносился её торжествующий смех.

Привидение постучало в дверь ванной:

— Открой! Слышишь, немедленно открой!

Но за дверью раздавался только громкий, ликующий хохот.

— Открой! А то я не играю! — крикнуло привидение.

Фрёкен Бок замолчала, но двери не открыла. Тогда привидение обернулось к Малышу, который всё ещё не мог отдышаться.

— Скажи ей, чтоб она открыла! Какой же интерес играть, если она будет так себя вести!

Малыш робко постучал в дверь.

— Это я, — сказал он. — Долго ли вы, фрёкен Бок собираетесь просидеть здесь взаперти?

— Всю ночь, — ответила фрёкен Бок. — Я постелю себе в ванне все полотенца, чтобы там спать.

Тут привидение заговорило по-другому:

— Стели! Пожалуйста, стели! Делай всё так, чтобы испортить нам удовольствие, чтобы расстроить нашу игру! Но угадай-ка, кто в таком случае немедленно отправится к Фриде, чтобы дать ей материал для новой передачи?

В ванной комнате долго царило молчание. Видно, фрёкен Бок обдумывала эту ужасную угрозу. Но в конце концов она сказала жалким, умоляющим тоном:

— Нет-нет, пожалуйста, не делай этого!.. Этого я не вынесу.

— Тогда выходи! — сказала привидение. — Не то привидение тут же улетит на Фрейгатен. И твоя сестра Фрида будет снова сидеть в телевизоре, это уж точно!

Слышно было, как фрёкен Бок несколько раз тяжело вздохнула.

Наконец она позвала:

— Малыш! Приложи ухо к замочной скважине, я хочу тебе кое-что шепнуть по секрету.

Малыш сделал, как она просила.

Он приложил ухо к замочной скважине, и фрёкен Бок прошептала ему:

— Понимаешь, я думала, что не боюсь привидений, а оказалось, что боюсь. Но ты-то храбрый! Может, попросишь, чтобы это привидение сейчас исчезло и явилось в другой раз? Я хочу к нему немного привыкнуть. Но главное, чтобы оно не посетило за это время Фриду! Пусть оно поклянётся, что не отправится на Фрейгатен!

— Постараюсь, но не знаю, что получится, — сказал Малыш и обернулся, чтобы начать переговоры с привидением.

Но его и след простыл.

— Его нету! — крикнул Малыш. — Оно улетело к себе домой. Выходите.

Но фрёкен Бок не решалась выйти из ванной, пока Малыш не обошёл всю квартиру и не убедился, что привидения нигде нет.

Потом фрёкен Бок, дрожа от страха, ещё долго сидела в комнате Малыша. Но постепенно она пришла в себя и собралась с мыслями.

— О, это было ужасно... — сказала она. — Но подумай, какая передача для телевидения могла бы из этого получиться! Фрида в жизни не видела ничего похожего!

Она радовалась, как ребёнок. Но время от времени вспоминала, как за ней по пятам гналось привидение, и содрогалась от ужаса.

— В общем, хватит с меня привидений, — решила она в конце концов. — Я была бы рада, если б судьба избавила меня от подобных встреч.

Едва она успела это сказать, как из шкафа Малыша послышалось что-то вроде мычания. И этого было достаточно, чтобы фрёкен Бок вновь завопила:

— Слышишь? Клянусь, привидение притаилось у нас в шкафу! Ой, я, кажется, сейчас умру...

Малышу стало её очень жаль, но он не знал, что сказать, чтобы её утешить.

— Да нет... — начал он после некоторого раздумья, — это вовсе не привидение... Это... это... считайте, что это телёночек. Да, будем надеяться, что это телёночек.

Но тут из шкафа раздался голос:

— Телёночек! Этого ещё не хватало! Не выйдет! И не надейтесь!

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда выпорхнуло малютка привидение из Вазастана, одетое в белые одежды, которые Малыш сшил своими собственными руками. Глухо и таинственно вздыхая, оно взмыло к потолку и закружилось вокруг люстры.

— Гей, гей, я не телёнок, а самое опасное в мире привидение!

Фрёкен Бок кричала. Привидение описывало круги, оно порхало всё быстрее и быстрее, всё ужасней и ужасней вопила фрёкен Бок, и всё стремительней, в диком вихре, кружилось привидение.

Но вдруг случилось нечто неожиданное. Изощряясь в сложных фигурах, привидение сделало чересчур маленький круг, и его одежды зацепились за люстру.

Хлоп! — старенькие простыни тут же поползли, спали с Карлсона и повисли на люстре, а вокруг неё летал Карлсон в своих обычных синих штанах, клетчатой рубашке и полосатых носках. Он был до того увлечён игрой, что даже не заметил, что с ним случилось. Он летал себе и летал, вздыхал и стонал по-привиденчески пуще прежнего. Но, завершая очередной круг, он вдруг заметил, что на люстре что-то висит и развевается от колебания воздуха, когда он пролетает мимо.

— Что это за лоскут вы повесили на лампу? — спросил он. — От мух, что ли?

Малыш только жалобно вздохнул:

— Нет, Карлсон, не от мух.

Тогда Карлсон поглядел на своё упитанное тело, увидел синие штанишки и понял, какая случилась беда, понял, что он уже не малютка привидение из Вазастана, а просто Карлсон.

Он неуклюже приземлился возле Малыша: вид у него был несколько сконфуженный.

— Ну да, — сказал он, — неудача может сорвать даже самые лучшие замыслы. Сейчас мы в этом убедились... Ничего не скажешь, это дело житейское!

Фрёкен Бок, бледная как мел, уставилась на Карлсона. Она судорожно глотала воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Но в конце концов она всё же выдала из себя несколько слов:

— Кто... кто... боже праведный, а это ещё кто?

И Малыш сказал, едва сдерживая слёзы:

— Это Карлсон, который живёт на крыше.

— Кто это? Кто этот Карлсон, который живёт на крыше? — задыхаясь, спросила фрёкен Бок.

Карлсон поклонился:

— Красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Представьте себе, это я.

Карлсон не привидение, а просто Карлсон

Карлсон не привидение, а просто Карлсон

Этот вечер Малыш запомнит на всю жизнь. Фрёкен Бок сидела на стуле и плакала, а Карлсон стоял в сторонке, и вид у него был смущённый. Никто ничего не говорил, все чувствовали себя несчастными.

«Да, от такой жизни и вправду поседеешь раньше времени», — подумал Малыш, потому что мама часто так говорила. Это бывало, когда Боссе приносил домой сразу три двойки, или когда Бетан ныла, выпрашивая новую кожаную курточку на меху как раз в те дни, когда папа вносил деньги за телевизор, купленный в рассрочку, или когда Малыш разбивал в школе окно и родителям надо было платить за огромное стекло. Вот в этих случаях мама обычно вздыхала и говорила:

«Да, от такой жизни и вправду поседеешь раньше времени!»

Именно такое чувство овладело сейчас Малышом. Ух, до чего же всё нескладно вышло! Фрёкен Бок безутешно рыдала, слёзы катились градом. И из-за чего? Только из-за того, что Карлсон оказался не привидением.

— Подумать только! Эта телевизионная передача была уже у меня в кармане, — всхлипывая, сказала фрёкен Бок и злобно поглядела на Карлсона. — А я-то, дура, специально ходила к себе домой и рассказала всё Фриде...

Она закрыла лицо руками, громко зарыдала, и никто не расслышал, что же она сказала Фриде.

— Но я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, — сказал Карлсон, пытаясь хоть чем-то её утешить. — И меня можно показывать в этом ящике...

Фрёкен Бок поглядела на Карлсона и злобно зашипела:

— «Красивый, умный и в меру упитанный мужчина»! Да таких на телевидении хоть пруд пруди, с этим к ним и соваться нечего.

И она снова поглядела на Карлсона сердито и недоверчиво... А ведь этот маленький толстый мальчишка и впрямь похож на мужчину...

— Кто он, собственно говоря, такой? — спросила она Малыша.

И Малыш ответил истинную правду:

— Мой товарищ, мы с ним играем.

— Это я и без тебя знаю, — отрезала фрёкен Бок и снова заплакала.

Мальш был удивлён: ведь папа и мама вообразили, что у них начнётся кошмарная жизнь, если только кто-нибудь узнает о существовании Карлсона, что все тут же захотят его увидеть и его будут показывать по телевидению; но вот теперь, когда наконец его увидела посторонняя женщина, она льёт слёзы и уверяет, что раз Карлсон не привидение, он не представляет никакого интереса. А что на спине у него пропеллер и что он умеет летать — на это ей, видно, наплевать. А тут как раз Карлсон поднялся к потолку и принялся снимать с абажура свои привиденческие

одежды, но фрёкен Бок посмотрела на него уже совсем свирепым глазом и сказала:

— Подумаешь, пропеллер, кнопка... а что же не может быть у мальчишки в наше-то время! Скоро они будут летать на Луну, не начав ходить в школу.

Домомучительница по-прежнему сидела на стуле и накалялась всё больше и больше. Она вдруг поняла, кто стащил плюшки, кто мычал у окна и кто писал на стене в кухне. Это же надо додуматься — дарить детям такие игрушки, чтобы они летали куда им заблагорассудится и так бесстыдно издевались над старыми людьми. А все таинственные истории с привидениями, о которых она писала в шведское телевидение, оказались проказами сорванца. Нет, она не намерена терпеть здесь этого негодного маленького толстяка.

— Немедленно отправляйся домой, слышишь! Как тебя звать-то?

— Карлсон! — ответил Карлсон.

— Это я знаю, — сердито сказала фрёкен Бок. — Но у тебя, кроме фамилии, надо думать, и имя есть?

— Меня зовут Карлсон, и всё!

— Ой, не зли меня, не то я совсем рассержусь, я и так уже на последнем пределе, — буркнула фрёкен Бок. — Имя — это то, как тебя зовут дома, понимаешь? Ну, как тебя кличет папа, когда пора идти спать?

— Хулиган, — ответил Карлсон с улыбкой.

Фрёкен Бок с удовлетворением кивнула:

— Точно сказано! Лучше и не придумать!

Карлсон с ней согласился:

— Да, да, в детстве мы все ужасно хулиганили. Но это было так давно, а теперь я самый послушный в мире!

Но фрёкен Бок больше не слушала его. Она сидела молча, глубоко задумавшись, и, видимо, начинала постепенно успокаиваться.

— Да, — сказала она наконец, — один человек будет от всего этого на седьмом небе.

— Кто? — спросил Малыш.

— Фрида, — горько ответила фрёкен Бок. Потом, глубоко вздохнув, она направилась на кухню, чтобы вытереть пол и унести таз.

Карлсон и Малыш были рады, что остались одни.

— И чего это люди волнуются по пустякам? — сказал Карлсон и пожал плечами. — Я ведь ей ничего плохого не сделал.

— Ну да, — неуверенно согласился Малыш. — Только понизводил её немножко. Зато теперь мы станем самыми послушными.

Карлсон тоже так думал.

— Конечно, станем. Но я хочу немного позабавиться, а то не буду играть!

Мальш напряжённо выдумывал какое-нибудь забавное занятие для Карлсона. Но он зря старался, потому что Карлсон всё придумал сам и вдруг, ни с того ни с сего, кинулся к шкафу Малыша.

— погоди! — крикнул он. — Когда я был привидением, я видел там одну толковую штуку!

Он вернулся с маленькой мышеловкой. Мальш нашёл её в деревне у бабушки и привёз в город.

«Я хочу поймать мышку и приручить её, чтобы она у меня осталась жить», — объяснил Мальш маме. Но мама сказала, что в городских квартирах мыши, к счастью, не водятся, у них, во всяком случае, мышей точно нет.

Мальш пересказал всё это Карлсону, но Карлсон возразил:

— Мыши заводятся незаметно. Твоя мама только обрадуется, если вдруг, откуда ни возьмись, в доме появится маленькая нежданная мышка.

Он объяснил Малышу, как было бы хорошо, если бы они поймали эту нежданную мышку. Ведь Карлсон мог бы держать её у себя наверху, а когда у неё народятся мышата, можно будет устроить настоящую мышиную ферму.

— И тогда я помещу в газете объявление, — заключил Карлсон. — «Кому нужны мыши, обращайтесь в мышиную ферму Карлсона».

— Ага! И тогда можно будет расплодить мышей во всех городских домах! — радостно подхватил Мальш и объяснил Карлсону, как заряжают мышеловку. — Только в неё надо обязательно положить кусочек сыру или шкурку от свиного сала, а то мышь не придёт.

Карлсон полез в карман и вытащил оттуда маленький огрызок шпика.

— Как хорошо, что я его сберёг. После обеда я всё собирался кинуть его в помойное ведро.

Он зарядил мышеловку и поставил её под кровать Малыша.

— Теперь мышь может прийти когда захочет.

Они совсем забыли про фрёкен Бок. Но вдруг услышали какой-то шум на кухне.

— Похоже, что она готовит еду, — сказал Карлсон. — Она грохочет сковородками.

Так оно и было, потому что из кухни донёсся слабый, но чарующий запах жарящихся тефтелей.

— Она обжаривает тефтели, оставшиеся от обеда, — объяснил

Мальш. — Ой, до чего же есть хочется!

Карлсон со всех ног кинулся к двери.

— Вперёд, на кухню! — крикнул он.

Мальш подумал, что Карлсон и в самом деле храбрец, если он отважился на такой шаг. Быть трусом Мальшу не хотелось, и он тоже нерешительно поплёлся на кухню.

— Гей, гей, мы, я вижу, пришли как раз кстати. Нас ждёт скромный ужин, — сказал Карлсон.

Фрёкен Бок стояла у плиты и переворачивала тефтели, но, увидев Карлсона, она бросила сковородку и двинулась на него. Вид у неё был угрожающий.

— Убирайся! — крикнула она. — Убирайся отсюда немедленно!

У Карлсона дрогнули губы, и он надулся.

— Так я не играю! Так я не играю! Так себя не ведут! Я тоже хочу съесть несколько тефтелек. Разве ты не понимаешь, что, когда целый вечер играешь в привидение, просыпается зверский аппетит?

Он сделал шаг к плите и взял со сковородки одну тефтельку. Вот этого ему не следовало делать. Фрёкен Бок взревела от бешенства и кинулась на Карлсона, схватила его за шиворот и вытолкнула за дверь.

— Убирайся! — кричала она. — Убирайся домой и носа сюда больше не показывай!

Мальш был просто в отчаянии.

— Ну, чего вы, фрёкен Бок, так злитесь? — сказал он со слезами в голосе. — Карлсон мой товарищ, разве можно его прогонять?

Больше он ничего не успел сказать, потому что дверь кухни распахнулась и ворвался Карлсон, тоже злой как чёрт.

— Так я не играю! — кричал он. — Нет, так я не играю! Выставлять меня с чёрного хода!.. Не выйдет!

Он подлетел к фрёкен Бок и топнул ногой об пол.

— Подумать только, с чёрного хода!.. Я хочу, чтобы меня выставили с парадного, как приличного человека!

Фрёкен Бок снова схватила Карлсона за шиворот.

— С парадного? Охотно! — воскликнула она, потащила Карлсона через всю квартиру и вытолкнула его через парадный ход, не обращая никакого внимания на слёзы и гневные вопли бегущего за ней Мальша.

Так Карлсон добился своего.

— Ну вот, теперь с тобой обошлись достаточно благородно? — осведомилась фрёкен Бок.

— Достаточно, — подтвердил Карлсон, и тогда фрёкен Бок захлопнула

за ним дверь с таким грохотом, что было слышно во всём доме.

— Ну наконец-то, — сказала она и пошла на кухню.

Мальш бежал за ней, он очень сердился:

— Ой! До чего вы, фрёкен Бок, злая и несправедливая! Карлсон имеет право быть на кухне!

Он там и был! Он стоял у плиты и ел тефтели.

— Да, да, меня надо было выставить через парадную дверь, чтобы я смог вернуться с чёрного хода и съесть несколько превосходных тефтелей, — объяснил он.

Тогда фрёкен Бок схватила Карлсона за шиворот и в третий раз вытолкнула за дверь, теперь опять с чёрного хода.

— Просто удивительно, — возмущалась она, — никакого с ним сладу нет!.. Но я сейчас запру дверь, и он всё же останется с носом.

— Это мы ещё посмотрим, — спокойно сказал Карлсон.

Фрёкен Бок захлопнула дверь и проверила, защёлкнулся ли замок.

— Тьфу, до чего же вы злая, фрёкен Бок, — не унимался Мальш.

Но она не обращала никакого внимания на его слова. Она быстро подошла к плите, на которой так аппетитно румянились тефтели.

— Может, и мне наконец-то удастся съесть хоть одну тефтельку после всего того, что пришлось пережить в этот вечер, — сказала она.

Но тут из открытого окна раздался голос:

— Эй! Хозяева дома? Не найдётся ли у вас двух-трёх тефтелек?

На подоконнике сидел довольный Карлсон и широко улыбался. Увидев его, Мальш не смог удержаться от смеха.

— Ты прилетел сюда с балкончика?

Карлсон кивнул:

— Точно. И вот я опять с вами! Вы, конечно, мне рады... особенно ты, женщина, стоящая у плиты!

Фрёкен Бок держала в руке тефтельку — она как раз собиралась сунуть её в рот, но при виде Карлсона застыла, уставившись на него.

— Никогда в жизни не видел такой прожорливой особы, — сказал Карлсон и, сделав большой круг над плитой, схватил на лету несколько тефтелей и быстро сунул их в рот. Потом он стремительно взмыл к самому потолку.

Но тут фрёкен Бок как с цепи сорвалась. Она заорала не своим голосом, схватила выбивалку для ковров и, размахивая ею, погналась за Карлсоном:

— Ах ты озорник! Да что же это такое! Неужели мне так и не удастся тебя выгнать?

Карлсон, ликуя, кружил вокруг лампы.

— Гей, гей, вот теперь-то мы позабудемся на славу! — крикнул он. — Так весело мне не было с тех пор, как папочка гнался за мной с мухобойкой! Я тогда был маленький, но помню, тогда мы тоже здорово позабавились!

Карлсон метнулся в большую комнату, и снова началась бешеная погоня по всей квартире. Впереди летел Карлсон — он кудачтал и визжал от удовольствия, за ним мчалась фрёкен Бок с выбивалкой для ковров, за ней еле поспевал Малыш, а позади всех скакал Бимбо, бешено твякая.

— Гей, гей! — кричал Карлсон.

Фрёкен Бок не отставала от него, но всякий раз, когда она уже готова была его схватить, Карлсон взмывал вверх, под самый потолок. А когда фрёкен Бок начинала размахивать выбивалкой, ему всегда удавалось пролететь мимо, едва её не коснувшись.

— Эй, эй, чур, не бить по ногам, так я не играю! — кричал Карлсон.

Фрёкен Бок запыхалась, но продолжала подпрыгивать, и её большие босые ноги шлёпали по паркету. Она, бедняжка, так и не успела ещё обуться — ведь весь вечер ей пришлось гонять по квартире. Она очень устала, но сдаваться не собиралась.

— Ты у меня дождёшься! — кричала она, продолжая погоню за Карлсоном.

Время от времени она подпрыгивала, чтобы стукнуть его выбивалкой, но он только смеялся и набирал высоту. Малыш тоже хохотал до слёз и

никак не мог остановиться. От смеха у него даже заболел живот, и, когда все они в третий раз очутились в его комнате, он кинулся на кровать, чтобы хоть немножко передохнуть. Смеяться у него уже не было сил, но он всё же стонал от смеха, глядя, как фрёкен Бок мечется вдоль стен, пытаясь поймать Карлсона.

— Гей, гей! — подбадривал её Карлсон.

— Я тебе всыплю за это «гей, гей»! — кричала, едва переводя дыхание, фрёкен Бок. Она с остервенением размахивала выбивалкой, и в конце концов ей удалось загнать Карлсона в угол, где стояла кровать Малыша. — Ну вот, — воскликнула она с торжеством, — попался, голубчик!

Но вдруг она издала такой вопль, что у Малыша загудело в ушах. Он перестал хохотать.

«Эх, Карлсон попался», — подумал он.

Но попался не Карлсон. Попалась фрёкен Бок; большой палец её правой ноги угодил в мышеловку.

— Ой, ой, ой! — стонала фрёкен Бок. — Ой, ой, ой!

Она подняла ногу и в ужасе уставилась на странную вещь, вцепившуюся в её большой палец.

— Ой, ой, ой! — завопил уже Малыш. — Подождите, я сейчас её раскрою... Простите, я этого не хотел...

— Ой, ой, ой! — продолжала вопить фрёкен Бок, когда Малыш помог ей высвободить палец и к ней вернулся дар речи. — Почему у тебя мышеловка под кроватью?

Малышу было очень жаль мышеловки, и он сказал, запинаясь:

— Потому что... потому что... мы хотели поймать нежданную мышку.

— Но, конечно, не такую большую, — объяснил Карлсон. — Маленькую мышку с длинным хвостиком.

Фрёкен Бок покосилась на Карлсона и застонала:

— Опять ты... Когда же ты уберёшься отсюда в конце концов?

И она снова погналась за ним с выбивалкой.

— Гей, гей! — закричал Карлсон.

Он вылетел в переднюю, а оттуда в большую комнату, а потом из неё в комнату Малыша, и снова началась погоня по всей квартире: в кухню и из кухни, в спальню и из спальни...

— Гей, гей! — кричал Карлсон.

— Ты у меня сейчас получишь «гей, гей»! — погрозила фрёкен Бок, задыхаясь от быстрого бега.

Она замахнулась выбивалкой и прыгнула что было сил, но, забыв в

азарте погони, что сдвинула всю мебель к дверям спальни, споткнулась о книжную полку, стукнулась обо что-то головой и с грохотом рухнула на пол.

— Всё! Теперь в Нурланде снова будет землетрясение, — сказал Карлсон.

Но Малыш в испуге кинулся к фрёкен Бок.

— Ой, вы не расшиблись? — спросил он. — Бедная, бедная фрёкен Бок...

— Помоги мне добраться до кровати... Будь добр... — прошептала фрёкен Бок.

И Малыш это сделал, вернее, попытался сделать. Но фрёкен Бок была такая грузная, а Малыш такой маленький, что у него ничего не вышло. Но тут к ним подлетел Карлсон.

— Один и не пытайся, — сказал он Малышу. — Я тоже хочу помочь её тащить. Ведь самый послушный в мире я, а вовсе не ты!

Карлсон и Малыш собрались с силами и в конце концов доволокли фрёкен Бок до кровати.

— Бедная фрёкен Бок! — вздохнул Малыш. — Как вы себя чувствуете? Вам больно?

Фрёкен Бок ответила не сразу, словно собираясь с мыслями.

— Мне кажется, у меня во всём теле нет ни одной целой косточки, — сказала она наконец. — Но болеть, пожалуй, ничего не болит... Вот только, когда смеюсь...

И она так захохотала, что кровать под ней затряслась.

Малыш с испугом глядел на неё — что это с ней такое?

— Как хотите, молодые люди, но такая тренировка, как нынче вечером, не часто выдаётся, — сказала она. — И, боже праведный, до чего же это взбадривает! — Она энергично кивнула: — Мы с Фридой занимаемся гимнастикой по программе «Упражнения для домашних хозяек». Теперь Фрида узнает, что значит бегать. Подождите-ка...

— Гей, гей! — завопил Карлсон. — Ты прихвати с собой эту выбивалку и тогда сможешь гонять Фриду по всему гимнастическому залу и так взбодрить её, что она своих не узнает!

Фрёкен Бок вытаращила на него глаза.

— Ты ещё со мной разговариваешь? Ты бы лучше помолчал да пошёл бы на кухню и принёс мне несколько тефтелек!

Малыш радостно засмеялся.

— Да, после таких прыжков появляется зверский аппетит, — сказала она.

— Угадай, кто лучший в мире подносчик тефтелей? — сказал Карлсон, убегая на кухню.

Потом Карлсон, Малыш и фрёкен Бок, сидя на кровати, уплетали прекрасный ужин с таким аппетитом, что за ушами трещало. Карлсон принёс из кухни полный поднос еды.

— Я обнаружил яблочную запеканку с ванильным соусом. Кроме того, я прихватил ветчины, сыра, колбасы, солёных огурчиков, несколько сардин и кусочек печёночного паштета. Но, скажи на милость, куда ты засунула торт со взбитыми сливками? Его я не нашёл...

— У нас торта нет, — ответила фрёкен Бок.

У Карлсона дрогнули губы.

— И ты полагаешь, что можно наесться тефтелями, яблочной запеканкой с ванильным соусом, ветчиной, сыром, колбасой, солёными огурцами да двумя жалкими крохотными сардинками?

Фрёкен Бок поглядела на него в упор.

— Нет, — сказала она подчёркнуто спокойным тоном. — Но ведь есть ещё и печёночный паштет.

Никогда ещё Малышу не было так вкусно. Малыш, и Карлсон, и фрёкен Бок сидели рядком на кровати и жевали, глотали, и им было так уютно втроём! Но вдруг фрёкен Бок вскрикнула:

— Боже праведный, ведь Малыш должен быть изолирован, а мы притащили сюда этого малого. — И она указала пальцем на Карлсона.

— Никто его не тащил, — сказал Малыш, — он сам прилетал. — Но всё же Малыш встревожился: — Подумай, Карлсон, а вдруг ты заболеешь этой самой тинной?

— Угу... угу, — промычал Карлсон, потому что его рот был набит яблочной запеканкой и он не сразу смог заговорить. — Что мне какая-то тина!.. Эге-гей! Подумаешь! К тому, кто переболел плющечной лихорадкой, никакая зараза не липнет.

— Нет, всё равно нельзя, — сказала фрёкен Бок со вздохом.

Карлсон проглотил последнюю тефтельку, облизал пальцы и сказал:

— Что и говорить, в этом доме живут, конечно, впроголодь, но в остальном мне здесь хорошо. Так что я готов себя здесь тоже изолировать.

— О боже праведный! — воскликнула фрёкен Бок. Она поглядела

на Карлсона, потом на пустой поднос. — После тебя мало что остаётся, — сказала она.

Карлсон соскочил на пол и похлопал себя по животу.

— После того как я поем, остаётся стол, — сказал он. — Единственное, что остаётся, — это стол.

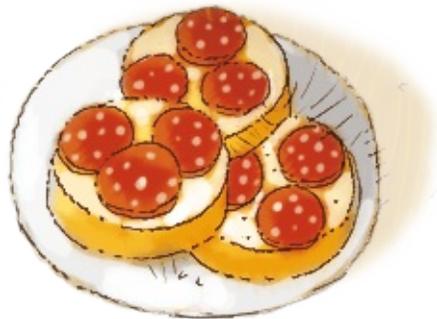
Потом Карлсон нажал свою кнопку, мотор заработал, и Карлсон полетел к раскрытому окну.

— Привет! — крикнул он. — Теперь вам волей-неволей придётся некоторое время обойтись без меня. Я тороплюсь.

— Привет, Карлсон! — крикнул Малыш. — Тебе в самом деле пора улетать?

— Так скоро? — печально добавила фрёкен Бок.

— Да, мне надо поторопиться! — крикнул Карлсон. — А то я опоздаю к ужину. Привет! — И он улетел.

Гордая юная девица улетает далеко-далеко!

Гордая юная девица улетает далеко-далеко!

На следующее утро Малыш долго спал. Его разбудил телефонный звонок, и он побежал в переднюю, чтобы взять трубку.

Звонила мама.

— Бедный сынок... О, как это ужасно...

— Что ужасно? — спросил Малыш спросонок.

— Всё, что ты пишешь в своём письме. Я так за вас волнуюсь...

— Почему? — спросил Малыш.

— Сам понимаешь, — сказала мама. — Бедный мой мальчик... Завтра утром я приеду домой.

Малыш обрадовался и приободрился, хотя он так и не понял, почему мама назвала его «бедный мой мальчик». Едва Малыш успел снова лечь и задремать, как опять раздался звонок. Это папа звонил из Лондона.

— Как ты поживаешь? — спросил папа. — Хорошо ли себя ведут Боссе и Бетан?

— Не думаю, — сказал Малыш, — но точно не знаю, потому что они лежат в эпидемии.

Малыш понял, что папа встревожился от его слов.

— Лежат в эпидемии? Что ты хочешь сказать?

А когда Малыш объяснил, что он хочет сказать, папа повторил мамины

слова:

— Бедный мой мальчик... Завтра утром я буду дома.

На этом разговор кончился. Но вскоре опять зазвонил телефон. На этот раз это был Боссе.

— Можешь передать домохозяйке и её старенькому доктору, что, хотя они и воображают себя знатоками, у нас всё же не скарлатина. Мы с Бетан завтра вернёмся домой.

— У вас не тина? — переспросил Малыш.

— Представь себе, нет. Мы просто чем-то объелись, так сказал здешний доктор. От этого у некоторых тоже бывает сыпь.

— Понятно, типичный случай плюшечной лихорадки, — сказал Малыш.

Но Боссе уже повесил трубку.

Малыш оделся и пошёл на кухню, чтобы рассказать фрёкен Бок, что его больше не надо изолировать. Она уже готовила завтрак.

В кухне сильно пахло пряностями.

— И я смогу уйти, — сказала фрёкен Бок, когда Малыш сообщил ей, что завтра вся семья будет в сборе. — Вот и хорошо, а то у вас я совсем испорчу себе нервы.

Она бешено что-то мешала в кастрюле, стоящей на плите. Оказалось, там варился какой-то густой мясной соус, и она заправляла его солью, перцем и какими-то травами.

— Вот видишь, — сказала она, — его надо посолить, да поперчить как следует, да поварить подольше, только тогда он вкусный. — Потом она с

тревогой посмотрела на Малыша. — Как ты думаешь, этот ужасный Карлсон сегодня опять прилетит? Так хотелось бы спокойно провести последние часы в вашем доме.

Прежде чем Малыш успел ответить, за окном послышалась весёлая песенка, которую кто-то пел во весь голос:

— Солнце, солнце,
Загляни в оконце!

На подоконнике снова сидел Карлсон.

— Привет! Вот оно, ваше солнце, можете не волноваться.

Но тут фрёкен Бок молитвенно протянула к нему руки:

— Нет, нет, нет, умоляю, что угодно, но сегодня нам нужен покой.

— Покой, а то как же! Но прежде всего нам нужен, конечно, завтрак, — сказал Карлсон и одним прыжком оказался у кухонного стола.

Там фрёкен Бок уже положила приборы для себя и Малыша. Карлсон сел перед одним из них и взял в руки нож и вилку.

— Начинаем! Давайте завтракать! — Он приветливо кивнул фрёкен Бок. — Ты тоже можешь сесть с нами за стол. Возьми себе тарелку и иди сюда.

Он раздул ноздри и вдохнул пряный запах.

— Что нам дадут? — спросил он, облизываясь.

— Хорошую взбучку, — ответила фрёкен Бок и ещё яростней принялась мешать соус. — Её ты, уж во всяком случае, заслужил. Но у меня так ноет всё тело, что, боюсь, я уже не смогу гоняться за тобой сегодня.

Она вылила соус в миску и поставила её на стол.

— Ешьте, — сказала она. — А я подожду, пока вы кончите, потому что доктор сказал, что мне во время еды нужен полный покой.

Карлсон сочувственно кивнул.

— Ну да, в доме, наверно, найдётся несколько завалившихся сухариков, которые ты сможешь погрызть, когда мы покончим со всем, что на столе... Примостишься на краешке стола и погрызёшь, наслаждаясь тишиной и покоем.

И он торопливо наложил себе полную тарелку густого мясного соуса. Но Малыш взял совсем капельку. Он всегда с опаской относился к новым блюдам, а такого соуса он ещё никогда не ел.

Карлсон начал строить из мяса башню, а вокруг башни крепостной

ров, наполненный соусом. Пока он этим занимался, Малыш осторожно попробовал кусочек. Ой! Он задохнулся, слёзы выступили на глазах. Рот горел огнём. Но рядом стояла фрёкен Бок и глядела на него с таким видом, что он только глотнул воздух и промолчал.

Тут Карлсон оторвался от своей крепости:

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

— Я... я вспомнил одну печальную вещь, — запинаясь, пробормотал Малыш.

— Понятно, — сказал Карлсон и отправил в рот огромный кусок своей башни. Но едва он проглотил его, как завопил не своим голосом, и из его глаз тоже брызнули слёзы.

— Что случилось? — спросила фрёкен Бок.

— На вкус это лисий яд... Впрочем, тебе самой лучше знать, что ты сюда подсыпала, — сказал Карлсон. — Бери скорей большой шланг, у меня в горле огонь! — Он утёр слёзы.

— О чём ты плачешь? — спросил Малыш.

— Я тоже вспомнил очень печальную вещь, — ответил Карлсон.

— Какую именно? — любопытствовал Малыш.

— Вот этот мясной соус, — сказал Карлсон.

Но весь этот разговор не пришёлся по душе фрёкен Бок.

— Как вам только не стыдно, мальчики! Десятки тысяч детей на свете были бы просто счастливы получить хоть немного этого соуса.

Карлсон засунул руку в карман и вытащил карандаш и блокнот.

— Пожалуйста, продиктуйте мне имена и адреса хотя бы двоих из этих тысяч, — попросил он.

Но фрёкен Бок не желала давать адреса.

— Наверно, речь идёт о маленьких дикарях из племени огнеедов, всё понятно, — сказал Карлсон. — Они всю жизнь только и делают, что глотают огонь и серу.

Как раз в эту минуту раздался звонок у двери, и фрёкен Бок пошла открывать.

— Пойдём посмотрим, кто пришёл, — предложил Карлсон. — Быть может, это кто-нибудь из тех тысяч маленьких огнеедов, которые готовы отдать всё, что у них есть, за эту пламенную кашу. Нам надо быть начеку, вдруг она продешевит... Ведь она всыпала туда столько лисьего яда, а ему цены нет!

И Карлсон отправился вслед за фрёкен Бок, а Малыш не захотел от него отстать. Они стояли в передней за её спиной и слышали, как чей-то незнакомый голос произнёс:

— Моя фамилия Пек. Я сотрудник шведского радио и телевидения.

Малыш почувствовал, что холодеет. Он осторожно выглянул из-за юбки фрёкен Бок и увидел, что в дверях стоит какой-то господин — один из тех красивых, умных и в меру упитанных мужчин в самом расцвете сил, о которых фрёкен Бок сказала, что ими на телевидении можно пруд прудить.

— Могу я видеть фрёкен Хильдур Бок? — спросил господин Пек.

— Это я, — ответила фрёкен Бок. — Но я уплатила и за радио, и за телевидение, так что проверять вам нечего.

Господин Пек любезно улыбнулся.

— Я пришёл не в связи с оплатой, — объяснил он. — Нет, меня привела сюда история с привидениями, о которых вы нам писали... Мы хотели бы сделать на этом материале новую программу.

Фрёкен Бок густо покраснела; она не могла вымолвить ни слова.

— Что с вами, вам стало нехорошо? — прервал наконец молчание господин Пек.

— Да, да, мне нехорошо, — подхватила фрёкен Бок. — Это самая ужасная минута в моей жизни.

Малыш стоял за ней и чувствовал примерно то же, что она. Боже праведный, вот и свершилось! Через несколько секунд этот вот Пек наверняка заметит Карлсона, а когда завтра утром мама и папа вернутся домой, они увидят, что весь дом опутан разными там кабелями, забит телевизионными камерами и такими вот господами, и поймут, что покоя им уже не дожидаться. О боже праведный, надо немедленно убрать Карлсона любым способом.

Тут взгляд Малыша упал на старый деревянный ящик, который стоял в прихожей и в котором Бетан хранила самодельные театральные костюмы, старый реквизит и тому подобный хлам. Она организовала вместе с ребятами из своего класса какой-то дурацкий клуб: в свободное время они переодевались в странные костюмы и разыгрывали нелепые сцены. Всё это, по мнению Малыша, было очень глупо, но у них это называлось играть в театр. Зато сейчас этот ящик с костюмами оказался здесь как нельзя более кстати!.. Малыш приоткрыл его крышку и взволнованно шепнул Карлсону:

— Спрячься!.. Лезь в этот вот ящик! Скорее!

И прежде чем Карлсон успел понять, почему он должен прятаться, он уже сообразил, что это пахнет какой-то проказой. Он хитро поглядел на Малыша и залез в ящик. Малыш быстро прикрыл его крышкой. Потом он испуганно посмотрел на тех двоих, которые всё ещё стояли в дверях... Успели ли они что-нибудь заметить?

Но они ничего не заметили, так они были поглощены своей беседой. Фрёкен Бок как раз объясняла господину Пеку, почему она чувствует себя дурно.

— Это было не привидение, — сказала фрёкен Бок, с трудом сдерживая слёзы. — Это были всего-навсего отвратительные детские проказы.

— Так, значит, никаких привидений не было? — разочарованно переспросил господин Пек.

Фрёкен Бок не могла больше сдерживать слёзы — она разрыдалась.

— Нет, привидений не было... И я не смогу выступить по телевидению... никогда, только Фрида!..

Господин Пек похлопывал её по руке, чтобы успокоить:

— Не принимайте это так близко к сердцу, милая фрёкен Бок. Кто знает, может, вам ещё и придётся выступить.

— Нет, нет, все надежды рухнули... — сказала фрёкен Бок и, закрыв лицо руками, опустилась на ящик с костюмами.

Так она долго просидела, безутешно рыдая. Малыш её очень пожалел, и ему было стыдно, потому что он чувствовал себя во всём виноватым.

И вдруг из ящика раздалось негромкое урчание.
— Ох, простите! — сказала сконфуженная фрёкен Бок. — Это у меня,

наверно, с голоду.

— Да, с голоду всегда бурчит в животе, — любезно подтвердил господин Пек, — но ваш завтрак, должно быть, уже готов: я слышу такой изумительный аромат. Что у вас сегодня на завтрак? — любопытствовал господин Пек.

— Ах, всего лишь мясной соус... Блюдо моего изобретения... «Соус по рецепту Хильдур Бок» — так я его назвала, — скромно, но с достоинством ответила фрёкен Бок и вздохнула.

— Пахнет на редкость вкусно, — сказал господин Пек. — Просто возбуждает аппетит.

Фрёкен Бок поднялась с ящика.

— Отведайте, прошу вас... А эти глупые карапузы ещё нос воротят, — обиженно добавила она.

Господин Пек немного поцеремонился — всё твердил, что ему, мол, неловко, — но дело кончилось тем, что они вместе удалились на кухню.

Мальш приподнял крышку и поглядел на Карлсона, который, удобно устроившись на костюмах, негромко урчал.

— Умоляю тебя, лежи тихо, пока он не уйдёт, — прошептал Мальш, — не то попадёшь в телевизор.

— Ну да, тебе легко говорить, — сказал Карлсон. — Здесь не менее тесно и душно, чем в том ящике, так что мне теперь терять нечего.

Тогда Мальш немного приоткрыл крышку ящика, чтобы туда проникал воздух, и помчался на кухню. Он хотел посмотреть, какой будет вид у господина Пека, когда он отведает соус фрёкен Бок.

Трудно поверить, но господин Пек преспокойно сидел за столом и уплетал за двоих, словно за всю жизнь ему не довелось есть ничего вкуснее. И на глазах у него не было никаких слёз. Зато у фрёкен Бок они катились градом, но, конечно, не из-за соуса. Нет, нет, просто она продолжала оплакивать провал своей телевизионной передачи. И даже похвалы, которые господин Пек так щедро расточал её огненному блюду, не могли её утешить. Она чувствовала себя бесконечно несчастной.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Господин Пек вдруг уставился в потолок и воскликнул:

— Придумал! Придумал! Вы будете выступать завтра вечером!

Фрёкен Бок подняла на него заплаканные глаза.

— Где это я буду выступать завтра вечером? — мрачно спросила она.

— Как — где? По телевидению! — сказал господин Пек. — В передаче «Искусный кулинар». Вы расскажете всем шведам, как приготовить «Соус

Хильдур Бок»...

И тут фрёкен Бок потеряла сознание и грохнулась на пол. Но вскоре она пришла в себя и вскочила на ноги. Глаза её сияли.

— Вы говорите, завтра вечером... По телевидению? Мой соус... Я расскажу о нём по телевидению всему шведскому народу? О господи!.. Подумать только! А Фрида ничего не понимает в готовке, она говорит, что моими кушаньями можно только свиней кормить!

Мальш слушал затаив дыхание, потому что всё это было ему очень интересно. Он едва не забыл про Карлсона, спрятанного в ящике. Но тут вдруг, к его великому ужасу, в прихожей раздался какой-то скрип. Ну да, этого следовало ожидать... Карлсон! Дверь из кухни была приоткрыта, и Мальш увидел, что Карлсон разгуливает по прихожей. Но ни фрёкен Бок, ни господин Пек ещё ничего не заметили.

Да, это был Карлсон! И в то же время не Карлсон!.. Боже праведный, на кого он был похож в старом маскарадном костюме Бетан! На нём была длинная бархатная юбка, которая путалась в ногах, мешая ходить, и две тюлевые накидки: одна украшала его спереди, другая — сзади! Он казался маленькой кругленькой бойкой девочкой. И эта маленькая бойкая девочка неумолимо приближалась к кухне.

Мальш в отчаянии делал знаки, чтобы Карлсон не шёл на кухню, но тот будто не понимал их, только кивал в ответ и подходил всё ближе.

— Гордая юная девица входит в парадный зал! — произнёс Карлсон и застыл в дверях, играя своими накидками.

Вид у него был такой, что господин Пек широко раскрыл глаза:

— Батюшки, кто же это?.. Что это за милая девочка?

Но тут фрёкен Бок как заорёт:

— Милая девочка! Нет, извините, это не милая девочка, а самый отвратительный сорванец из всех, которых мне довелось видеть на своём веку! Убирайся немедленно, дрянной мальчишка!

Но Карлсон её не послушался.

— Гордая юная девица танцует и веселится, — продолжал он своё.

И он пустился в пляс. Такого танца Мальш никогда прежде не видел, да, надо думать, что и господин Пек тоже.

Карлсон носился по кухне, высоко поднимая колени. Время от времени он подпрыгивал и взмахивал своими тюлевыми накидками.

«Что за дурацкий танец, — подумал Мальш. — Но это ещё куда ни шло, только бы он не вздумал летать. О, только бы он не летал!»

Карлсон завесил себя накидками так, что пропеллера вовсе не было видно, чему Мальш был очень рад. Если он всё же вдруг взлетит к потолку,

то господин Пек наверняка упадёт в обморок, а потом, едва придя в себя, пришлёт сюда людей с телевизионными камерами.

Господин Пек смотрел на этот странный танец и смеялся, смеялся всё громче и громче. Тогда Карлсон тоже стал хихикать в ответ, да ещё подмигивать господину Пеку, когда проносился мимо него, размахивая своими накидками.

— До чего весёлый мальчишка! — воскликнул господин Пек. — Он наверняка мог бы участвовать в какой-нибудь детской передаче.

Ничто не могло бы больше рассердить фрёкен Бок.

— Он будет выступать по телевидению?! Тогда я попрошу освободить меня от этого дела. Если вы хотите найти кого-нибудь, кто перевернёт вверх тормашками телевизионную студию, то лучшего кандидата вам не сыскать.

Мальш кивнул:

— Да, это правда. А когда эта студия перевернётся вверх тормашками, он скажет: «Пустяки, дело житейское». Так что лучше остерегайтесь его!

Господин Пек не настаивал.

— Если так, то не надо. Я только предложил. Мальчишек полным-полно!..

И господин Пек вдруг заторопился. У него, оказывается, скоро передача, и ему пора идти.

Но тут Мальш увидел, что Карлсон нащупывает кнопку на животе, и до смерти испугался, что в последнюю минуту всё выяснится.

— Нет, Карлсон... нет, не надо, — шептал ему в тревоге Мальш.

Карлсон с невозмутимым видом продолжал искать кнопку, ему трудно было добраться до неё из-за всех этих тюлевых накидок.

Господин Пек уже стоял в дверях, когда вдруг зажужжал моторчик Карлсона.

— Я и не знал, что над Вазастаном проходит маршрут вертолётов, — сказал господин Пек. — Не думаю, чтобы им следовало здесь летать, многим этот шум мешает. Прощайте, фрёкен Бок. До завтра!

И господин Пек ушёл.

А Карлсон взмыл к потолку, сделал несколько кругов, облетел лампу и на прощание помахал фрёкен Бок тюлевыми накидками.

— Гордая юная девица улетает далеко-далеко! — крикнул он. — Привет, гей-гей!

Красивый, умный и в меру упитанный

Красивый, умный и в меру упитанный

Время после обеда Малыш провёл наверху у Карлсона, в его домике на крыше. Он объяснил Карлсону, почему надо оставить в покое фрёкен Бок.

— Понимаешь, она хочет сделать торт со взбитыми сливками, потому что мама, и папа, и Боссе, и Бетан возвращаются завтра домой.

Карлсону это показалось убедительно.

— Да, если она делает торт со взбитыми сливками, её надо оставить в покое. Опасно низводить домомучительницу, когда она взбивает сливки, а то она скиснет, а вместе с ней и сливки.

Вот почему последние часы в семье Свантесон фрёкен Бок провела в полном покое — так, как она хотела. Малыш и Карлсон тоже спокойно сидели у камина в домике на крыше. Им было очень хорошо и уютно. Карлсон быстро слетал на улицу Хётерге и купил там яблок.

— Я за них честно отдал пять эре, — сказал он Малышу. — Не хочу, чтобы меня заподозрили в краже. Ведь я самый честный в мире!

— Разве эти яблоки стоят всего пять эре?

— Видишь ли, я не мог спросить их цену, — объяснил Карлсон, — потому что продавщица как раз пошла пить кофе.

Нанизав яблоки на проволоку, Карлсон пёк их над огнём.

— Угадай, кто лучший в мире специалист по печёным яблокам? — спросил Карлсон.

— Ты, Карлсон, — ответил Малыш.

И они ели печёные яблоки, и сидели у огня, а сумерки всё сгущались. «Как хорошо, когда трещат поленья! — подумал Малыш. — Дни стали холодными. По всему видно, что пришла осень».

— Я всё собираюсь слетать в деревню и купить дров у какого-нибудь крестьянина. Знаешь, какие скупые эти крестьяне, но, к счастью, они тоже иногда уходят пить кофе, — сказал Карлсон.

Он встал и подбросил в огонь два больших берёзовых полена.

— Я люблю, чтобы было жарко натоплено, — сказал он. — Остаться зимой без дров — нет, так я не играю. И, не стесняясь, скажу это крестьянину.

Когда камин прогорел, в комнате стало темно, и Карлсон зажёл керосиновую лампу, которая висела у самого потолка над верстаком. Она осветила тёплым, живым светом комнату и все те вещи, которые валялись на верстаке.

Малыш спросил, не могут ли они чем-нибудь обменяться, и Карлсон сказал, что он готов.

— Но когда ты захочешь что-нибудь взять, ты должен сперва спросить у меня разрешения. Иногда я буду говорить «да», а иногда — «нет»... Хотя чаще всего я буду говорить «нет», потому что всё это моё и я не хочу ни с чем расставаться, а то я не играю.

И тогда Малыш начал спрашивать разрешения подряд на все вещи, которые лежали на верстаке, а получил всего-навсего на старый разбитый будильник, который Карлсон сам разобрал, а потом снова собрал. Но всё равно игра эта была такой интересной, что Малыш даже представить себе не мог ничего более увлекательного.

Но потом Карлсону это наскучило, и он предложил постолярничать.

— Это самое весёлое на свете занятие, и можно сделать так много чудесных вещиц, — сказал Карлсон. — Во всяком случае, я могу.

Он скинул всё, что валялось на верстаке, прямо на пол и вытащил из-под диванчика доски и чурки. И оба они — и Карлсон и Малыш — принялись пилить, и строгать, и сколачивать, так что всё загудело вокруг.

Малыш делал пароход. Он сбил две досточки, а сверху приладил круглую чурочку. Пароход и в самом деле получился очень хороший.

Карлсон сказал, что должен сделать скворечник и повесить его возле своего домика, чтобы там жили маленькие птички. Но то, что у него вышло, совсем не походило ни на скворечник, ни, впрочем, на что-либо другое. Весьма трудно было сказать, что за штуку он смастерил.

— Это что? — спросил Малыш.

Карлсон склонил набок голову и поглядел на своё произведение.
— Так, одна вещь, — сказал он. — Отличная маленькая вещица.
Угадай, у кого в мире самые золотые руки?
— У тебя, Карлсон.

Наступил вечер. Малышу пора было идти домой и ложиться спать. Приходилось расставаться с Карлсоном и с его маленьким домиком, где было так уютно, и со всеми его вещами: и с его верстаком, и с его коптящей керосиновой лампой, и с его дровяным сарайчиком, и с его камином, в

котором так долго не прогорали головешки, согревая и освещая комнату. Трудно было всё это покинуть, но ведь он знал, что скоро снова вернётся сюда. О, как чудесно, что домик Карлсона находился на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Они вышли. Над ними сверкало звёздное небо. Никогда прежде Малыш не видел столько звёзд, да таких ярких, да так близко! Нет, конечно, не близко, до них было много тысяч километров, Малыш это знал, и всё же... О, над домиком Карлсона раскинулся звёздный шатёр, и до него, казалось, рукой подать, и вместе с тем так бесконечно далеко!

— На что ты глазеешь? — нетерпеливо спросил Карлсон. — Мне холодно. Ну, ты летишь или раздумал?

— Лечу, — ответил Малыш. — Спасибо.

А на следующий день... Что это был за день! Сперва вернулись Боссе и Бетан, потом папа, а последней — но всё равно это было самое главное! — мама. Малыш кинулся к ней и крепко её обнял. Пусть она больше никогда от него не уезжает! Все они — и папа, и Боссе, и Бетан, и Малыш, и Фрёкен Бок, и Бимбо — окружили маму.

— А твоё переутомление уже прошло? — спросил Малыш. — Как это оно могло так быстро пройти?

— Оно прошло, как только я получила твоё письмо, — сказала мама. — Когда я узнала, что вы все больны и изолированы, я почувствовала, что тоже всерьёз захвораю, если немедленно не вернусь домой.

Фрёкен Бок покачала головой.

— Вы поступили неразумно, фру Свантесон. Но я буду время от времени приходить к вам помогать немного по хозяйству, — сказала Фрёкен Бок. — А теперь я должна немедленно уйти. Сегодня вечером я выступаю по телевидению.

Как все удивились: и мама, и папа, и Боссе, и Бетан.

— В самом деле? Мы все хотим на вас посмотреть. Обязательно будем смотреть, — сказал папа.

Фрёкен Бок гордо вскинула голову.

— Надеюсь. Надеюсь, весь шведский народ будет смотреть на меня.

И она заторопилась.

— Ведь мне надо успеть сделать причёску, и принять ванну, и побывать у массажистки и маникюрши, и купить новые стельки. Необходимо привести себя в порядок перед выступлением по телевидению.

Бетан рассмеялась:

— Новые стельки?.. Да кто их увидит по телевизору?

Фрёкен Бок посмотрела на неё неодобрительно.

— А разве я сказала, что их кто-нибудь увидит? Во всяком случае, мне нужны новые стельки... Чувствуешь себя уверенней, когда знаешь, что у тебя всё с головы до ног в порядке. Хотя это, может, и не всем понятно. Но мы — те, что всегда выступают по телевидению, — мы-то хорошо это знаем.

Фрёкен Бок торопливо попрощалась и ушла.

— Вот и нет больше домохозяйницы, — сказал Боссе, когда за ней захлопнулась дверь.

Малыш задумчиво кивнул.

— А я к ней уже привык, — сказал он. — И торт со взбитыми сливками она сделала хороший — такой большой, воздушный — и украсила его кусочками ананаса.

— Мы оставим торт на вечер. Будем пить кофе, есть торт и смотреть по телевизору выступление фрёкен Бок.

Так всё и было. Когда подошло время передачи, Малыш позвонил Карлсону. Он дёрнул шнурок, спрятанный за занавесками, один раз, что означало: «Прилетай скорее». И Карлсон прилетел. Вся семья собралась у телевизора, кофейные чашки и торт со взбитыми сливками стояли на столе.

— Вот и мы с Карлсоном, — сказал Малыш, когда они вошли в столовую.

— Да, вот и я, — повторил Карлсон и развалился в самом мягком кресле. — Наконец-то, я вижу, здесь появился торт со сливками, и, надо сказать, весьма кстати. Могу ли я получить немедленно кусочек... очень большой кусочек?

— Мальчики получают торт в последнюю очередь, — сказала мама. — А кроме того, это моё место. Вы с Малышом можете оба сесть прямо на пол перед телевизором, а потом я дам вам по куску.

Карлсон обратился к Малышу:

— Слыхал? Она что, всегда так с тобой обращается? Бедное дитя!

Потом он улыбнулся, вид у него был довольный.

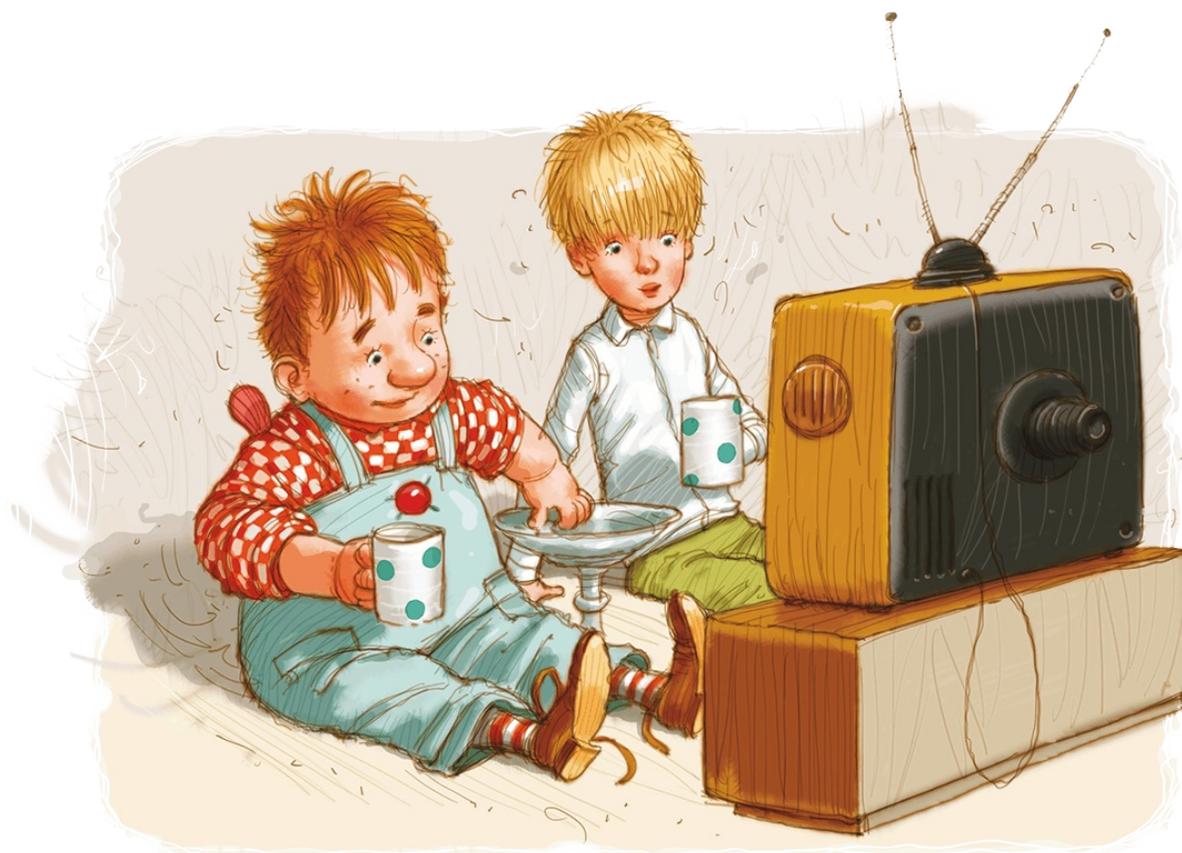
— Хорошо, что она и со мной так обращается, потому что это справедливо, а иначе я не играю.

И они оба, Малыш и Карлсон, сели на пол перед телевизором и ели торт, ожидая выступления фрёкен Бок.

— Сейчас начнётся, — сказал папа.

И в самом деле, на экране появилась фрёкен Бок. А рядом с ней господин Пек. Он вёл программу.

— Домомучительница как живая! — воскликнул Карлсон. — Гей, гей! Вот сейчас-то мы позабавимся!

Фрёкен Бок вздрогнула. Казалось, она услышала слова Карлсона. А может, она просто очень волновалась, потому что стояла перед всем шведским народом и должна была ему поведать, как приготовить «Соус Хильдур Бок».

— Скажите, пожалуйста, — начал господин Пек, — как вам пришла мысль сделать именно это блюдо?

— Очень просто, — сказала фрёкен Бок. — Когда у тебя есть сестра, которая ничего не смыслит в кулинарии...

Тут она умолкла, потому что Карлсон протянул вперёд свою маленькую пухлую ручку и выключил телевизор.

— Домомучительница появляется и исчезает по моему желанию, — сказал он.

Но вмешалась мама.

— Немедленно снова включи, — сказала она. — И больше так не делай, а то тебе придётся уйти.

Карлсон толкнул Малыша в бок и прошептал:

— А чего ещё нельзя делать в вашем доме?

— Молчи. Посмотрим на фрёкен Бок, — сказал Малыш.

— ...а чтобы было вкусно, его надо как следует посолить, поперчить, и пусть кипит подольше, — договорила фрёкен Бок.

И у всех на глазах она солила, и перчила, и кипятила всласть, а когда соус был готов, поглядела с экрана лукавым взглядом и спросила:

— Может, попробуете?

— Спасибо, только не я, — сказал Карлсон. — Но так и быть, если ты мне дашь имена и адреса, я приведу к тебе двух-трёх маленьких огнеедов, о которых ты говорила. Они охотно попробуют!

Потом господин Пек поблагодарил фрёкен Бок за то, что она согласилась прийти и рассказать, как она готовит этот соус, и на этом передача явно должна была кончиться, но тут фрёкен Бок вдруг спросила:

— Скажите, пожалуйста, я могу передать привет сестре?

Господин Пек выглядел растерянным.

— Ну ладно, передавайте, только побыстрее!

И тогда фрёкен Бок на экране помахала рукой и сказала:

— Привет, Фрида, ты меня слышишь? Надеюсь, ты не упала со стула?

— Я тоже на это надеюсь, — сказал Карлсон. — А то не миновать землетрясения в Нурланде.

— Ну что ты болтаешь? — спросил Малыш. — Ты ведь не знаешь, какая эта Фрида. Может, она вовсе не такая огромная, как фрёкен Бок.

— Представь себе, знаю, — сказал Карлсон. — Я ведь несколько раз был у них дома, на Фрейгатен, и играл там в привидение.

Потом Карлсон и Малыш съели ещё по куску торта и смотрели, как жонглёр на экране кидает в воздух одновременно пять тарелок и потом ловит все пять на лету. Малышу было скучно смотреть на жонглёра, но у Карлсона глаза так и сияли, и поэтому Малыш тоже был счастлив.

Всё было очень приятно, и Малыш так радовался, что все сидели вместе с ним — и мама, и папа, и Боссе и Бетан, и Бимбо... и даже Карлсон!

Когда с тортом было покончено, Карлсон схватил блюдо, слизал с него крем, потом подкинул вверх, как на экране жонглёр тарелки.

— Тот парень в ящике не промах, — сказал Карлсон. — До чего же здорово! Угадай, кто лучший в мире кидальщик блюд?

Он подбросил блюдо так высоко, что оно едва не ударилось о потолок, и Малыш испугался:

— Довольно, Карлсон, не надо... ну, не надо!

Мама и все остальные смотрели телевизор. Там танцевала балерина, и никто не заметил, что вытворяет Карлсон.

А Малыш всё шептал: «Брось, Карлсон, не надо», но это не помогало, и Карлсон безмятежно продолжал кидать блюдо.

— Какое у вас красивое блюдо! — воскликнул Карлсон и снова подбросил его к потолку. — Точнее сказать, у вас было красивое блюдо, — поправился он и нагнулся, чтобы собрать осколки. — Ну ничего, это пустяки, дело житейское...

Но мама услышала, как блюдо стукнулось об пол и разбилось. Она как следует отшлёпала Карлсона и сказала:

— Это было моё любимое блюдо, а вовсе не пустяки и не дело житейское.

Малыш был недоволен, что так обходятся с лучшим в мире жонглёром, но он понимал, что маме жаль блюдо, и попытался её утешить:

— Я достану из своей копилки деньги и куплю тебе новое блюдо.

Но тут Карлсон сунул руку в карман, вынул пятиэровую монетку и протянул её маме.

— Я сам плачу за то, что было. Вот! Пожалуйста! Купи новое блюдо, а сдачу можешь оставить себе.

— Спасибо, милый Карлсон, — сказала мама. — Знаешь что, купи на оставшиеся деньги несколько дешёвых вазочек и швыряй ими в меня, когда снова будешь сердиться.

Малыш прижался к маме:

— Мама, ты не сердись на Карлсона, скажи?

Мама потрепала по руке сперва Карлсона, потом Малыша и сказала, что больше на них не сердится.

Потом Карлсон стал прощаться:

— Привет, мне пора домой, а то я опоздаю к ужину.

— А что у тебя сегодня на ужин? — спросил Малыш.

— «Соус Карлсона, который живёт на крыше», — сказал Карлсон. — Только я не положу в него столько лисьего яда, сколько кладёт домохозяйка, можешь мне поверить. Угадай, кто лучший в мире мастер по соусам?

— Ты, Карлсон, — сказал Малыш.

Час спустя Малыш уже лежал в своей кроватке, а рядом стояла корзинка, где спал Бимбо. Все — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан — пришли к нему в комнату пожелать спокойной ночи. Малыша уже одолевал сон. Но он ещё не спал, а думал о Карлсоне. Что он сейчас делает, Карлсон? Может, как раз что-нибудь мастерит... скворечник или ещё что...

«Завтра, когда я приду из школы, — думал Малыш, — я позвоню Карлсону и спрошу, нельзя ли мне слетать к нему и тоже ещё что-нибудь смастерить».

А потом Малыш подумал: «Как хорошо, что Карлсон провёл звонок, я позвоню ему всегда, когда захочу». И вдруг понял, что он уже захотел.

Он вскочил с постели, босиком подбежал к окну и дёрнул за шнурок. Три раза. Этот сигнал означал: «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человечек, как ты, лучший в мире Карлсон!»

Малыш ещё постоял немного у окна, не потому что ждал ответа, а просто так, и вдруг, представьте себе, прилетел Карлсон.

— Да, ты прав, — сказал он, — это и в самом деле очень хорошо.

Больше Карлсон ничего не сказал и тут же улетел назад, в свой зелёный домик на крыше.

Продолжение следует...